

уже теперь рѣшительная полемика съ извѣстнымъ католическимъ изслѣдователемъ Фотіа Гергенрѣтеромъ (Hergenröter, Photius, Patriarch von Constantinopel), гдѣ авторъ, признавая заслуги этого ученаго въ области изслѣдованія дѣятельности Фотіа и его эпохи, нерѣдко изобличаетъ его въ историческихъ натяжкахъ и передержкахъ. Все это даетъ право надѣяться, что въ начатой работѣ г. Россейкина мы получимъ солидный трудъ о Фотіи, опирающійся на научную постановку, въ полномъ и всестороннемъ освѣщеніи всѣхъ событій, связанныхъ съ его личностью и при томъ сдѣланномъ съ объективной точки зрѣнія, внѣ всякихъ предвзятыхъ тенденцій,—трудъ, котораго давно ждетъ русская наука. Это начатое г. Россейкинымъ изслѣдованіе и должно служить лучшей рекомендаціей его, какъ самаго подходящаго кандидата на каѳедру *исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени*“.

Справка: 1) Открытымъ голосованіемъ бывшій и. д. доцента Академіи, кандидатъ богословія, *Θ. М. Россейкинъ* вновь избранъ былъ на вакантную каѳедру *исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени*—единогласно.—2) По § 110 лит. в. п. 2 Высочайше утвержденнаго во 2-й день Апрѣля 1910 года устава православныхъ духовныхъ академій „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ и профессоровъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Св. Синода.—3) По § 119 того же устава: „По дѣламъ объ избраніи кандидатовъ въ преподаватели въ журналъ Совѣта вносится подробное изложеніе высказанныхъ мнѣній, съ приложеніемъ письменныхъ отзывовъ членовъ Совѣта о кандидатахъ, и журналъ этотъ въ цѣломъ видѣ представляется на разсмотрѣніе высшаго начальства“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи кандидата богословія *Федора Россейкина* исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселен-

ской до настоящаго времени, со дня избранія его на эту должность Совѣтомъ Академіи, т. е. съ 6-го октября 1910 года.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Окт. 26. Согласенъ войти—и нынѣ же вхожу—въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ объ утвержденіи г. Россейкина и. должность доцента Академіи по названной кафедрѣ“.

6 октября 1910 года.

№ 19.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго,—всѣ члены Совѣта Академіи.

Имѣли сужденіе о замѣщеніи *двухъ* вакантныхъ кафедръ Священнаго Писанія Нового Завета: *первой* (по „Объяснительной запискѣ“ къ новому уставу духовныхъ академій преподаватель по этой кафедрѣ „читаетъ введеніе въ новозавѣтныя книги и о Евангеліяхъ; послѣ же исагогическихъ и экзегетическихъ лекцій о Евангеліяхъ излагаетъ въ связномъ систематическомъ видѣ Исторію земной жизни Господа нашего Иисуса Христа съ опроверженіемъ всякихъ лживыхъ и богохульныхъ теорій, нынѣ особенно усердно распространяемыхъ“), *имѣющей освободиться 16 августа будущаго 1911 года*, по прекращеніи чтенія лекцій заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Академіи М. Д. Муретовымъ, и *второй* (по той же „Объяснительной запискѣ“—„преподаватель читаетъ о Дѣяніяхъ и Посланіяхъ апостольскихъ и объ Апокалипсисѣ“), *вновь открываемой* по уставу духовныхъ академій 1910 года.

Выслушано было заявленіе заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Нового Завета *М. Д. Муретова* слѣдующаго содержанія:

„Кандидатами на кафедру Священнаго Писанія Нового Завета могу указать слѣдующихъ лицъ:

1. Священника Влад. Ник. *Страхова*, законоучителя 2-й мужской Московской гимназій, состоявшаго профессорскимъ

стипендіатомъ въ 1907^{1/8} году. Кандидатская работа о. Страхова, какъ извѣстно Совѣту, посвящена исагогическимъ вопросамъ о 2-мъ посланіи Ап. Павла къ Фессалоникійцамъ и имѣетъ слѣдующія главныя достоинства: широкое изученіе какъ древне-отеческой такъ и новѣйшей иностранной литературы, вполне научное въ методологическомъ отношеніи изслѣдованіе предлежавшихъ автору вопросовъ и краткость изложенія. Стипендіатскій годъ авторъ посвятилъ изученію Новаго Завѣта и вспомогательныхъ дисциплипъ—вообще и истолкованію 2-го посланія къ Фессалоникійцамъ—спеціально, представивъ собранный имъ экзегетическій матеріалъ въ качествѣ приложенія къ стипендіатскому отчету. Такимъ образомъ о. Страховъ является кандидатомъ, болѣе или мене подготовленнымъ къ научному изученію и академическому преподаванію Новаго Завѣта и имѣющимъ уже почти готовую магистерскую диссертацию по этому предмету (отзывы въ Совѣтскихъ журналахъ).

2. Владиміра *Троицкаго*, профессорскаго стипендіата текущаго академическаго года, хотя и не работавшаго спеціально по Священному Писанію Новаго Завѣта, но ставшаго мнѣ извѣстнымъ по прочитанной мною его кандидатской работѣ (Исторія догмата о Церкви), имѣющей особый отдѣлъ, посвященный изложенію ученія Новаго Завѣта о Церкви,—и показывающей въ авторѣ серьезную какъ лиригвистическую такъ и методологическую подготовку къ научному изученію и академическому преподаванію Священнаго Писанія Новаго Завѣта“.

Прочитаны были отзывы того-же профессора *Муретова*: а) о кандидатскомъ сочиненіи воспитанника Академіи выпуска 1907 года (нынѣ священника) Владиміра *Страхова* на тему: „Второе посланіе св. Апостола Павла къ Фессалоникійцамъ“ (изъ „Журналовъ Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1907-й годъ, стр. 193—196) и б) объ отчетѣ профессорскаго стипендіата Страхова о его занятіяхъ въ теченіи 1907—1908 учебнаго года (изъ „Журналовъ Совѣта“ за 1908-й годъ, стр. 257—258), а также отзывы заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ догматическаго богословія *А. Д. Бѣляева* и *Пресвященнаго Ректора* Академіи о кандидатскомъ сочиненіи профессорскаго стипендіата

Академіи выпуска текущаго 1910 года *Владимира Троицкаго* на тему: „Исторія догмата о церкви“.

При открытомъ голосованіи:

а) *За избраніе на вторую кафедру Священнаго Писанія Нового Завета* законоучителя 2-ой Московской мужской гимназіи священника *Владимира Страхова* высказались: экстраординарные профессора—*Анатолій Орловъ*, *Дмитрій Введенскій*, *Илья Громогласовъ* и *Сергій Соболевскій*, обычные профессора—*Михаилъ Таръевъ*, *Сергій Глаголевъ* и *Алексій Введенскій*, заслуженные обычные профессора—*Митрофанъ Муретовъ*, *Николай Заозерскій* (сверхштатный) и *Александръ Бяляевъ*, Инспекторъ Академіи — и. д. обычного профессора *Александръ Шостынкъ* и *Преосвященный Ректоръ* Академіи; всего 12 лицъ.—Остальные шесть членовъ Совѣта: экстраординарные профессора—*Михаилъ Богословскій*, *Сергій Смирновъ*, *Иванъ Поповъ* и *Павелъ Соколовъ*, обычные профессора—*Анатолій Спасскій* и *Александръ Голубцовъ*—отъ подачи голоса воздержались.

б) *За избраніе на первую кафедру Священнаго Писанія Нового Завета* профессорскаго стипендіата Академіи выпуска текущаго 1910 года *Владимира Троицкаго* высказались: экстраординарные профессора—*Дмитрій Введенскій* и *Сергій Соболевскій*, обычные профессора—*Михаилъ Таръевъ*, *Анатолій Спасскій*, *Сергій Глаголевъ*, *Алексій Введенскій* и *Александръ Голубцовъ*, заслуженные обычные профессора—*Митрофанъ Муретовъ*, *Николай Заозерскій* (сверхштатный) и *Александръ Бяляевъ*, Инспекторъ Академіи — и. д. обычного профессора *Александръ Шостынкъ* и *Преосвященный Ректоръ* Академіи; всего 12 лицъ.—Остальные шесть членовъ Совѣта: экстраординарные профессора—*Анатолій Орловъ*, *Михаилъ Богословскій*, *Сергій Смирновъ*, *Илья Громогласовъ*, *Иванъ Поповъ* и *Павелъ Соколовъ*—отъ подачи голоса воздержались.

Справка: 1) Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 24 сентября 1910 года за № 4294, послѣдовавшею на журналѣ собранія Совѣта Академіи 15 сентября,—вакантныя въ Академіи кафедры *Священнаго Писанія Нового Завета* раз-

рѣшено было замѣстить посредствомъ *рекомендаціи*.—2) Устава духовныхъ академій § 82: „Лица, желающія занять въ Академіи должность преподавателя, но неизвѣстныя Совѣту своими преподавательскими способностями, должны, прежде окончательнаго избранія, прочитать въ присутствіи Совѣта Академіи двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному выбору, другую—по назначенію Совѣта“.

Опредѣлили: 1) На *вторую* кафедру Священнаго Писанія Новаго Завѣта пригласить кандидата и профессорскаго стипендіата Академіи выпуска 1907 года, нынѣ законоучителя 2-ой Московской мужской гимназіи, *священника Владиміра Страхова*, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, прочесть въ присутствіи Совѣта установленныя § 82 академическаго устава двѣ пробныя лекціи, послѣ чего и имѣть окончательное сужденіе объ избраніи его на кафедру.—2) На *первую* кафедру Священнаго Писанія Новаго Завѣта пригласить кандидата и профессорскаго стипендіата Академіи выпуска 1910 года *Владиміра Троицкаго*, предложивъ ему посвятить текущій 1910—1911 учебный годъ подготовленію къ занятію означенной кафедры подъ руководствомъ заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*, а въ концѣ года также прочесть въ присутствіи Совѣта двѣ пробныя лекціи.—3) Темы для пробныхъ лекцій поручить дать заслуженному ординарному профессору по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретову*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Нояб. 8. Утверждается“.

6 октября 1910 года.

№ 20.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго,—всѣ члены Совѣта Академіи.

Имѣли сужденіе о замѣщеніи вакантной въ Академіи кафедры *догматическаго богословія*, при чемъ были выслушаны:

1) Предложеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ догматическаго богословія А. Д. *Бьялса*:

„Честь имѣю предложить на кафедре догматическаго богословія преподавателя Калужской духовной семинаріи А. М. *Туберовскаго*, окончившаго курсъ Академіи въ 1907 г.

Профессоры и преподаватели Академіи достойно оцѣнили умственныя способности и трудолюбіе А. М. *Туберовскаго*: онъ кончилъ курсъ вторымъ и былъ оставленъ при Академіи профессорскимъ стипендіатомъ для приготовленія къ какой-либо кафедрѣ. Уже это одно есть рекомендація для избранія А. М. *Туберовскаго* на академическую кафедру, особенно если принять во вниманіе то важное обстоятельство, что А. М. *Туберовскій* вотъ уже третій годъ преподаетъ въ семинаріи именно догматическое богословіе, а потому явится на кафедре догматики значительно подготовленнымъ.

Но я, какъ читатель его кандидатскаго сочиненія и какъ руководитель его учеными занятіями въ теченіе стипендіатскаго года, имѣлъ большую, чѣмъ кто-либо другой, возможность ознакомиться съ умственнымъ и нравственнымъ характеромъ предлагаемаго мною кандидата и потому поставляю своимъ нравственнымъ долгомъ подѣлиться съ членами Совѣта своими мыслями о тѣхъ задаткахъ для ученой и профессорской дѣятельности, которые я подмѣтилъ въ А. М. *Туберовскомъ*.

Кандидатское сочиненіе А. М. *Туберовскаго* было написано по догматикѣ, а это опять таки даетъ мнѣ основаніе рекомендовать автора его на кафедре именно догматическаго богословія, хотя онъ можетъ быть подходящимъ кандидатомъ и на одну изъ кафедръ по Священному Писанію Новаго Завѣта. Его сочиненіе озаглавляется: „Значеніе воскресенія Иисуса Христа въ дѣлѣ спасенія по ученію Новаго Завѣта“. Держа постоянно въ рукахъ Новый Завѣтъ, какъ первоисточникъ сочиненія, авторъ послѣдняго обстоятельно истолковалъ прямо и косвенно относящіяся къ его предмету изреченія Новаго Завѣта, вывелъ изъ нихъ положенія и затѣмъ раскрылъ догматическій смыслъ этихъ положеній, поставивши ихъ въ связь съ другими догматическими истинами, въ особенности съ ученіемъ объ искупленіи, и этимъ путемъ пролилъ много свѣта на изреченія:

Новаго Завѣта о воскресеніи Христа и о спасеніи людей. Пользуясь при толкованіи Писанія лучшими пособіями, древними и новыми, русскими и иностранными, А. М. Туберовскій даетъ либо собственныя изъясненія текста, либо пополняетъ какое-либо изъ извѣстныхъ ему толкованій, либо, приведя два-три авторитетныхъ, но несогласныхъ между собою изъясненій, онъ даетъ предпочтеніе одному изъ нихъ.

Но изъясненія реченій Писанія, какъ ни много они занимаютъ мѣста въ сочиненіи, служатъ только фундаментомъ, на которомъ построено изслѣдованіе предмета, служатъ только средствомъ для цѣли, какъ это и должно быть въ сочиненіяхъ по систематическому богословію и въ частности по догматикѣ. Весь истолковательный матеріаль подобранъ, изъясненъ и расположенъ примѣнительно къ основной идеѣ сочиненія. А идея сочиненія та, что воскресеніе Христа имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ спасенія человѣческаго рода и что это значеніе доселѣ недостаточно освѣщено и оцѣнено богословами, какъ это явствуетъ изъ того, что въ системахъ догматики истина воскресенія Христа занимаетъ менѣе важное мѣсто, нежели какое должно принадлежать ей. Эта идея разносторонне и обильно изъяснена и подтверждена на пространствѣ всего сочиненія и объединила все его содержаніе. Авторъ прямо таки былъ увлеченъ этой идеей. Быть можетъ, именно это увлеченіе, а также и вообще любовь его къ занятіямъ по богословію вмѣстѣ съ выдающеюся трудоспособностію дали ему бодрость и силы меньше, чѣмъ въ годъ, довести до конца широко задуманный и, не смотря на обширность сочиненія, хорошо обработанный трудъ.

Выдающееся достоинство сочиненія А. М. Туберовскаго—самостоятельность. Онъ могъ бы изучить нѣсколько капитальныхъ пособій и составить при помощи ихъ приличную компиляцію. Но онъ не прельстился возможностью облегчить такимъ способомъ свой трудъ. Книги именно служили ему только пособіями, доставляя ему матеріаль, уясняя разныя стороны предмета, возбуждая и обогащая его собственную мысль, но не порабощая ее. Главное и надлежащее вниманіе онъ обратилъ на первоисточникъ своего сочиненія—Новый Завѣтъ, а пособія только помогали ему въ изученіи первоисточника. Замыселъ сочиненія, планъ его и

раскрытіе плана по частямъ, постановка и группировка вопросовъ, а также разработка ихъ и аргументація—все это его собственное.

Другое важное достоинство сочиненія А. М. Туберовскаго— это полнота разработки входящихъ въ него предметовъ. Взявшись напр. за объясненіе текста, онъ какъ бы постоянно держитъ въ умѣ вопросы: все ли я сказалъ? хорошо ли я разъяснилъ? достаточно ли я доказалъ? не упустилъ ли чего-либо изъ вида? Эту наклонность автора сочиненія исчерпывать тему до конца вглубь и вширь я считаю нагляднымъ признакомъ способности къ истинному ученому труду. При такой наклонности невозможенъ диллетантизмъ въ наукѣ, не мыслимо поверхностное изученіе изслѣдуемыхъ предметовъ—эти опасные враги истинной учености. Эта наклонность свидѣтельствуетъ о серьезномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ ученому труду и вмѣстѣ съ тѣмъ о настойчивости и постоянствѣ въ трудѣ.

Большимъ достоинствомъ сочиненія А. М. Туберовскаго является и основательность его. Онъ никогда не высказываетъ своихъ мнѣній догматически. Съ неизмѣннымъ постоянствомъ онъ обставляетъ свои взгляды разъясненіями, соображеніями, доказательствами.

Есть еще достоинства сочиненія, въ которыхъ отобразился съ хорошей стороны и нравственный характеръ писавшаго. Разумѣемъ прежде всего добросовѣстность. Онъ пишетъ открыто; присутствуешь какъ бы при самомъ процессѣ его черновой домашней работы; чувствуешь, что онъ не рѣшится что-либо заимствовать изъ какой-либо книги, не сдѣлавши ссылки на нее.—Другая особенность сочиненія—достоинство тона, выдержаннаго, спокойнаго, а также достоинство и критики, трезвой, дѣловитой. Нѣтъ у него излишней боязливости въ высказываніи своихъ взглядовъ, довольно обычной у пишущихъ на школьной скамьѣ свой первый ученый трудъ, но, съ другой стороны, нѣтъ у него и заносчивости въ оцѣнкѣ мнѣній разныхъ ученыхъ.

Совѣтъ Академіи вполне справедливо присудилъ А. М. Туберовскому за его сочиненіе премію Литовскаго Митрополита Іосифа.

Помимо отличнаго сочиненія, мое знакомство съ личностью А. М. Туберовскаго въ теченіе двухъ лѣтъ, когда я

руководилъ его въ его ученыхъ трудахъ, укрѣпило мое убѣжденіе, что онъ будетъ съ достоинствомъ занимать академическую кафедру по какой-либо изъ богословскихъ наукъ. Нѣтъ ничего легче замѣстить любую профессорскую кафедру; но найти кандидатовъ на кафедры вполне достойныхъ очень трудно. Въ университетахъ ежегодно кончаютъ курсъ сотни и даже тысячи молодыхъ людей и притомъ тамъ существуетъ приватъ-доцентура, представляющая готовый запасъ ученыхъ силъ, и тѣмъ не менѣе въ провинціальныхъ университетахъ кафедры иногда пустуютъ за недостаткомъ подходящихъ для замѣщенія ихъ лицъ. А въ духовныхъ академіяхъ составъ учащихся малолюдень, да и тотъ заполняется не отборными силами; приватъ-доцентовъ нѣтъ; нѣтъ и кандидатовъ, достаточно подготовленныхъ къ той или иной кафедрѣ. Волей-неволей приходится избирать на кафедры людей, ученые вкусы которыхъ и задатки для профессуры извѣстны избирателямъ только приблизительно. Да и нельзя быть слишкомъ требовательнымъ при выборѣ, такъ какъ число лицъ, достойныхъ профессорскаго званія, очень ограничено.

Главная трудность для подбора хорошихъ профессоровъ въ томъ, что слишкомъ высоки и слишкомъ рѣдко встрѣчаются, особенно въ совокупности въ одномъ лицѣ, тѣ качества, при наличности которыхъ только и возможенъ хороший профессоръ. Чтобы сдѣлаться хорошимъ профессоромъ, нужно быть, во-первыхъ, человѣкомъ даровитымъ, во-вторыхъ, человѣкомъ трудолюбивымъ, въ-третьихъ, человѣкомъ книжно-трудолюбивымъ, учено-любопытнымъ, въ-четвертыхъ, имѣть достаточную подготовку какъ для ученой дѣятельности вообще, такъ въ частности и для преподаванія той науки, на которую онъ избирается.

Этихъ четырехъ качествъ достаточно, чтобы сдѣлаться хорошимъ профессоромъ по чистой математикѣ, по технологіи и многимъ другимъ наукамъ. Но къ богослову справедливо примѣняются еще другія, тоже очень высокія, требованія: профессоръ по богословію долженъ имѣть строго-нравственный характеръ и быть человѣкомъ религіознымъ, а еще церковнымъ.

Примѣнимъ теперь эти требованія къ А. М. Туберовскому.

О степени его даровитости, достаточной для профессора, говоритъ тотъ фактъ, что его однокурсникъ С. П. Знамен-

скій кончилъ курсъ Академіи однимъ номеромъ ниже его, а между тѣмъ онъ уже занимаетъ въ Академіи кафедру латинскаго языка.

Огромную важность придаю я и тому, что у А. М. Туберовскаго даровитость соединяется съ усидчивостью въ трудѣ. Какъ одного трудолюбія безъ даровитости не достаточно для того, чтобы сдѣлаться отличнымъ профессоромъ и хорошимъ ученымъ, такъ не достаточно для этого и одной даровитости безъ трудолюбія.

Очень большое значеніе придаю я и тому, что А. М. Туберовскій привязанъ именно къ книжному, ученому дѣлу. Бываютъ люди, проявляющіе кипучую и разностороннюю дѣятельность, но склонные только къ практической дѣятельности. Таковые для профессуры не пригодны: потребность живой и разнообразной дѣятельности будетъ только отвлекать ихъ отъ ученаго труда. Примѣры есть и были.

Особенную важность придаю я и тому, что А. М. Туберовскій—любитель богословія, а не свѣтскихъ наукъ, что, къ сожалѣнію, не часто встрѣчается среди питомцевъ Академіи.

Наконецъ, А. М. Туберовскій имѣетъ и надлежащую подготовку къ ученому труду. А особенно онъ подготовленъ къ кафедрѣ по догматическому богословію какъ писаніемъ кандидатскаго сочиненія, такъ и занятіями въ теченіе стипендіатскаго года, а въ особенности преподаваніемъ догматики въ семинаріи.

По своему религіозно-нравственному настроенію А. М. Туберовскій вполне подходитъ быть профессоромъ богословія въ духовной академіи.“

2) Предложеніе ординарнаго профессора по кафедрѣ основнаго богословія *С. С. Глаголева*:

„Въ качествѣ кандидата на имѣющую стать вакантною кафедрю Догматическаго Богословія честь имѣю рекомендовать Совѣту преподавателя Московской Духовной Семинаріи *П. М. Минина*. Г. Мининъ прошелъ и окончилъ Московскую Академію первымъ студентомъ (1896—1900 г.г.) и во время пребыванія въ Академіи обратилъ на себя вниманіе, какъ очень даровитый студентъ. Онъ былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ и затѣмъ сталъ преподавателемъ Семинаріи. Въ печати у него есть и спеціальныя работы по

Догматическому Богословію („Чтенія рабочимъ въ Историческомъ музеѣ“), но вообще доселѣ онъ мало выступалъ съ печатными трудами, можетъ быть не спѣша учить, но стараясь прежде всего глубже и основательнѣе изучить предметъ своихъ занятій. Во всякомъ случаѣ тѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, вель ученыя бесѣды или слушалъ его возраженія по поводу какого-либо ученаго реферата, выносили о немъ впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ съ глубокимъ мышленіемъ, замѣчательною любознательностью, способностью основательно и глубоко проникать въ сущность вопроса, умѣньемъ ясно, живо и литературно излагать свои мысли и обладающемъ солиднымъ запасомъ знаній. Г. Мининъ преподавалъ въ Семинаріи Догматическое Богословіе и философію, съ которой Догматика приходитъ въ частое соприкосновеніе. Все это, по моему мнѣнію, дѣлаетъ г. Минина весьма желательнымъ кандидатомъ на кафедру, вопросъ о замѣщеніи которой является въ настоящее время предметомъ нашего обсужденія“.

При открытомъ голосованіи:

а) За избраніе на кафедру догматическаго богословія преподавателя Калужской духовной семинаріи *Александра Туберовскаго* подали голосъ: экстраординарные профессора—*Анатолій Орловъ*, *Дмитрій Введенскій*, *Михаилъ Богословскій*, *Сергій Смирновъ*, *Илья Громогласовъ*, *Иванъ Поповъ* и *Сергій Соболевскій*, ординарные профессора—*Михаилъ Тартевъ*, *Анатолій Спасскій*, *Алексій Введенскій* и *Александръ Голубцовъ*, заслуженные ординарные профессора—*Митрофанъ Муретовъ*, *Николай Заозерскій* (сверхштатный) и *Александръ Бѣляевъ*, Инспекторъ Академіи—и д. ординарнаго профессора *Александръ Шостинъ* и *Пресвященннй Ректоръ Академіи*; всего—16 лицъ.—*Противъ* избранія: ординарный профессоръ *Сергій Глаголевъ*.—*Воздержался* отъ подачи голоса экстраординарный профессоръ *Павель Соколовъ*.

б) За избраніе на ту же кафедру преподавателя Московской духовной семинаріи *Петра Минина* подали голосъ: экстраординарные профессора—*Анатолій Орловъ*, *Дмитрій Введенскій*, *Сергій Смирновъ*, *Илья Громогласовъ* и *Иванъ Поповъ*, ординарные профессора—*Анатолій Спасскій*, *Сергій*

Глаголевъ и *Алексѣй Введенскій*, заслуженный ординарный профессоръ *Митрофанъ Муретовъ* и Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора *Александръ Шостынкъ*; всего—10 лицъ.—*Противъ* избранія: экстраординарные профессора—*Михаилъ Богословскій* и *Сергѣй Соболевскій*, ординарные профессора—*Михаилъ Тарчевъ* и *Александръ Голубцовъ*, заслуженные ординарные профессора—*Николай Заозерскій* (сверхштатный) и *Александръ Бяляевъ* и *Преосвященный Ректоръ* Академіи; всего—7 лицъ.—*Воздержался* отъ подачи голоса экстраординарный профессоръ *Павель Соколовъ*.

Справка: 1) Резолюцію Его Высокопреосвященства отъ 24 сентября 1910 года за № 4294, послѣдовавшею на журналѣ собранія Совѣта Академіи 15 сентября,—вакантную въ Академіи каѳедру *догматическаго богословія* разрѣшено было замѣстить посредствомъ *рекомендаціи*.—2) Устава духовныхъ академій § 82: „Лица, желающія занять въ Академіи должность преподавателя, но неизвѣстныя Совѣту своими преподавательскими способностями, должны, прежде окончательнаго избранія, прочитать въ присутствіи Совѣта Академіи двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному выбору, другую—по назначенію Совѣта“.

Опредѣлили: 1) На каѳедру догматическаго богословія пригласить преподавателя *Калужской духовной семинаріи Александра Туберовскаго*, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, прочесть въ присутствіи Совѣта установленныя § 82 академическаго устава двѣ пробныя лекціи, послѣ чего и имѣть окончательное сужденіе объ избраніи его на каѳедру.—2) Тему для второй пробной лекціи поручить дать заслуженному ординарному профессору по каѳедрѣ догматическаго богословія *А. Д. Бяляеву*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Нояб. 8. Согласенъ“.

6 октября 1910 года.

№ 21.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи *Феодора*, *Епископа Волоколамскаго*,—всѣ члены *Совѣта Академіи*.

Имѣли сужденіе о замѣщеніи *второй* каѳедры *Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта*, вновь открываемой по уставу академіи 1910 года (по „Объяснительной запискѣ“ къ уставу профессоромъ по этой каѳедрѣ преподается „о книгахъ учительныхъ, пророческихъ и неканоническихъ“), при чемъ были выслушаны:

а) Заявленіе *Просвященнаго Ректора Академіи*:

„Честь имѣю предложить Совѣту Академіи представленную мнѣ профессорами Академіи: священникомъ Димитріемъ Рождественскимъ и о. Евгеніемъ Воронцовымъ рекомендацію въ качествѣ кандидата для замѣщенія каѳедры Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта студента 3 курса *Н. Ремова*. Лично вполнѣ присоединяюсь къ этой рекомендаціи двухъ профессоровъ: специалиста по предмету Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта и специалиста по каѳедрѣ Еврейскаго языка“.

б) Предложеніе исправляющихъ должность доцента Академіи: по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи—*священника Е. А. Воронцова* и по каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта *священника Д. В. Рождественскаго*:

„Предполагая, что въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Совѣта Академіи, при сужденіи о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ, возникнетъ вопросъ и о замѣщеніи второй каѳедры Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта, честь имѣемъ обратиться вниманіе Совѣта на студента III курса *Николая Ремова* и просить Совѣтъ имѣть его въ виду въ качествѣ кандидата на замѣщеніе означенной каѳедры. Мы полагаемъ, что выборъ кандидата для замѣщенія каѳедры Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта въ значительной мѣрѣ затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что и среди наиболѣе талантливыхъ студентовъ Академіи весьма не часто встрѣчаются лица, обладающія склонностью и способностью къ изученію подлиннаго языка ветхозаѣтной Библии, безъ знанія котораго немислимо преподаваніе Ветхаго Заѣта въ Академіи. Г. Ремовъ имѣетъ это рѣдкое въ средѣ академическихъ студентовъ преимущество. При изученіи еврейскаго языка и Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта (преподаваніе котораго уже въ прошломъ году отчасти поставлено было на практи-

ческую почву) онъ обнаружилъ такія познанія въ грамматикѣ и лексикологіи еврейскаго языка и библейско-арамейскаго нарѣчія, что дальнѣйшіе успѣхи его въ этомъ направленіи можно считать обезпеченными. Кромѣ того, г. Ремовъ обладаетъ основательными познаніями какъ въ классическихъ, такъ и въ новыхъ европейскихъ языкахъ; а при работахъ въ области Ветхаго Завѣта знаніе языковъ древнихъ и новыхъ (въ особенности, англійскаго и нѣмецкаго) слѣдуетъ признать безусловно необходимымъ.

Въ намѣреніи обратиться къ Совѣту Академіи съ настоящею рекомендаціею насъ укрѣпило слѣдующее обстоятельство. На экзаменѣ по Ветхому Завѣту въ истекшемъ учебномъ году г. Ремовъ, комментируя одинъ ихъ труднѣйшихъ въ критико-текстуальномъ отношеніи текстовъ (Быт. IV, 7), такъ блистательно справился съ своею задачею, что предсѣдатель комиссіи, проф. А. И. Введенскій, по окончаніи экзамена, счелъ нужнымъ высказать свое мнѣніе объ отвѣтѣ г. Ремова какъ значительно превышающемъ требованія, предъявляемыя къ обыкновенному студенческому отвѣту, отмѣчаемому высшимъ балломъ“.

При открытомъ голосованіи за предъизбраніе студента III курса Академіи *Николая Ремова* на вторую кафедру Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта подали голосъ: экстраординарные профессора—*Анатолій Орловъ*, *Дмитрій Введенскій*, *Михаилъ Богословскій*, *Илья Громогласовъ* и *Сергѣй Соболевскій*, ординарные профессора—*Михаилъ Тарчевъ*, *Анатолій Спасскій*, *Сергѣй Глаголевъ* и *Алексѣй Введенскій*, заслуженный ординарный профессоръ *Митрофанъ Муретовъ*, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора *Александръ Шостынкъ* и *Преподобный Рectorъ* Академіи; всего—12 лицъ.—*Противъ* предъизбранія: экстраординарный профессоръ *Иванъ Поповъ*.—*Воздержались* отъ подачи голоса: экстраординарные профессора—*Сергѣй Смирновъ* и *Павель Соколовъ*, ординарный профессоръ *Александръ Голубцовъ*, заслуженные ординарные профессора—*Николай Заозерскій* (сверхштатный) и *Александръ Бяляевъ*; всего 5 лицъ.

Справка: Резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 24 сентября 1910 года за № 4294, послѣдовавшею на журналѣ собранія Совѣта Академіи 15 сентября, вторую ка-

ведру *Священнаго Писанія Ветхаго Заветъа*, вновь открываемую по уставу духовныхъ академій 1910 года, разрѣшено было замѣстить посредствомъ *рекомендаціи*.

Опредѣлили: 1) На вторую кафедру Священнаго Писанія Ветхаго Заветъа имѣть въ виду студента III курса Академіи *Николая Ремова*, поручивъ его особому попеченію и руководству, при подготовленіи къ занятію означенной кафедры, рекомендующихъ его преподавателей Академіи — *священниковъ Е. А. Воронцова и Д. В. Рождественскаго*. 2) Дальнѣйшее сужденіе по сему вопросу имѣть по окончаніи студентомъ Ремовымъ академическаго курса.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Нояб. 8. Согласенъ“.

6 октября 1910 года.

№ 22.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, — всѣ члены Совѣта Академіи.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1910 г. Сент. 30. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 28 сентября за № 13112:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 21 Юля сего гѣда за № 228, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Совѣту Московской духовной академіи оставить при сей академіи на 1910—1911 учебный годъ, въ качествѣ третьяго (сверхштатнаго) профессорскаго стипендіата, кандидата богословія выпуска текущаго года, *священника Василя Соколова*, съ ассигнованіемъ на его содержаніе изъ специальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода 679 руб. Приказали: По разсмотрѣніи изложеннаго представленія Вашего Преосвященства, признавая невозможнымъ удовлетворить изъясненное въ представленіи ходатайство, въ виду его несоотвѣтствія Высочайше утвержд. 2 Апрѣля

1910 г. Уст. Дух. Акад. (§§ 73—76) и крайней ограниченности въ настоящее время средствъ духовно-учебнаго капитала, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ: ходатайство Вашего Преосвященства о разрѣшеніи Совѣту Московской духовной академіи оставить при сей академіи на 1910—1911 учебный годъ, въ качествѣ третьяго (сверхштатнаго) профессорскаго стипендіата, кандидата богословія выпуска текущаго года, священника Василия Соколова, съ ассигнованіемъ на его содержаніе изъ специальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода 679 руб., отклонить; о чемъ послать указъ Вашему Преосвященству“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

1) *31 августа, № 11:* „1910 г. Сент. 24. Читано и утверждается“.—Въ текстѣ журнала: а) по ст. IV, п. 2 опредѣленія: „Согласенъ“; б) по той же статьѣ, опредѣленія п. 3: „Разрѣшается“.

2) *1 сентября, № 12:* „1910 г. Сент. 24. Читано и утверждается“.—Въ текстѣ журнала: а) по ст. III: „Ходатайствовать“; б) по ст. VIII: „Утверждается“; в) по ст. IX: „Согласенъ ходатайствовать“; г) по ст. X: „Согласенъ“; д) по ст. XI: „Утверждается“.

3) *15 сентября, № 13:* „1910 г. Сент. 24. Разрѣшается замѣстить кафедру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской посредствомъ конкурса, а остальные указанныя здѣсь кафедры посредствомъ рекомендаціи“.

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.—2) Объ увольненіи экстраординарнаго профессора *И. М. Громогласова*, согласно его прошенію, отъ должности лектора англійскаго языка (журналь № 12, ст. X) внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи — для зависящихъ распоряженій.—3) Объ утвержденіи дѣйствительныхъ студентовъ Академіи *Василія Бѣликова* и *іеромонаха Нифонта*

(Бомина) и студента священника Александра Литвиненко въ степени кандидата богословія, а студента Петра Уарова—въ званіи дѣйствительнаго студента Академіи (журналь № 12, ст. XVII)—сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ.—4) Согласно § 71 устава духовныхъ академій, объявить во всеобщее извѣстіе, черезъ напечатаніе въ академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“ и разсылку по высшимъ учебнымъ заведеніямъ и Правленіямъ духовныхъ семинарій, нижеслѣдующія условія конкурса на вакантную въ Академіи каеэдру *Исторіи Славянскихъ церквей и Румынской*:

„Въ Московской Духовной Академіи вакантна каеэдра *Исторіи Славянскихъ церквей и Румынской*.

Лица, желающія занять названную каеэдру, благоволятъ представить заявленіе объ этомъ въ Совѣтъ Академіи.

Кандидаты на каеэдру должны имѣть ученую богословскую степень или ученую степень университетскую; въ послѣднемъ случаѣ они, кромѣ того, должны имѣть по специальности каеэдры ученые труды, по своимъ качествамъ удовлетворяющіе требованіямъ, предъявляемымъ къ диссертациямъ на степень магистра или доктора богословскихъ наукъ.

Вмѣстѣ съ заявленіемъ о желаніи занять каеэдру должны быть представлены: 1) *curriculum vitae* и 2) ученые труды.

Срокъ представленія—не позже 15 декабря 1910 года.

„Лица, желающія занять въ Академіи должность преподавателя, но неизвѣстныхъ Совѣту своими преподавательскими способностями, должны, прежде окончательнаго избранія, прочитать въ присутствіи Совѣта Академіи двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному выбору, другую—по назначенію Совѣта“ (§ 82 устава дух. академій).

Оклады преподавателей въ Академіи: доцентамъ—1200 р., экстраординарнымъ профессорамъ—2000 р., ординарнымъ профессорамъ—3000 р. въ годъ.—Каждый преподаватель имѣетъ 5 недѣльныхъ часовъ: три—для теоретическаго курса и два—для практическихъ занятій.

Назначеніе избраннаго на каеэдру кандидата доцентомъ или профессоромъ зависитъ отъ опредѣленія Совѣта Академіи, въ порядкѣ существующихъ узаконеній“.

III. Письмо на имя Пресвященнаго Ректора Академіи Г. Помощника Директора Императорской Публичной Библиотеки, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Николая Петровича *Лихачева*;

„Позвольте имѣть честь принести въ даръ въ Библиотечку Московской Духовной Академіи одинъ экземпляръ изданнаго мною альбома: „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія“ (СПБ. 1906). Атласъ, 2 тома in folio“.

Опредѣлили: Выразить жертвователю отъ Совѣта Академіи глубочайшую благодарность за его щедрый даръ академической библиотекѣ.

IV. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 25 сентября за № 2840:

„Учебный Комитетъ имѣетъ честь препроводить въ Совѣтъ Московской духовной Академіи 2 экземпляра вновь вышедшаго „Циркуляра по духовно-учебному вѣдомству“, № 25“.

Опредѣлили: Одинъ экземпляръ „Циркуляра по духовно-учебному вѣдомству“ за № 25 передать въ фундаментальную академическую библиотеку, другой хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

V. Заявленіе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Императорской Академіей Наукъ о бесплатной высылкѣ въ библиотеку нашей Академіи книги: „Записки Императорской Академіи Наукъ. По Историко-филологическому отдѣленію томъ VII, № 2. Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ и церковная служба имъ. Издали В. Васильевскій и П. Никитинъ. СПБ. 1905 г.“. Книга эта нужна мнѣ для занятій со студентами по греческому языку и потому прошу ходатайствовать о высылкѣ ея въ количествѣ 30 экземпляровъ.“

Опредѣлили: Просить Императорскую Академію Наукъ о бесплатной высылкѣ въ фундаментальную академическую библиотеку указанной профессоромъ С. И. Соболевскимъ книги, въ количествѣ 30 экземпляровъ.

VI. Отношенія:

а) Психо-Неврологическаго Института, отъ 17 сентября за № 1221, съ просьбою о высылкѣ въ библіотеку Института печатаемыхъ Академіею изданій въ обмѣнъ на изданія, публикуемыя Институтомъ.

б) Совѣта Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Тифлисъ, отъ 27 сентября за № 512, съ просьбою о высылкѣ на Курсы по одному экземпляру всѣхъ научныхъ диссертаций, представляемыхъ для защиты.

в) Правленія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ г. Кіевѣ, съ просьбою пожертвовать для библіотеки Курсовъ появившіяся до сихъ поръ, а равно имѣющія выходить изданія Академіи.

Опредѣлили: 1) Предложить г.г. профессорамъ и преподавателямъ Академіи,—не пожелаетъ ли кто изъ нихъ пожертвовать свои печатные труды и изданія въ библіотеки вышепоименованныхъ учебныхъ заведеній.—2) Таковое же предложеніе обращать впредь и къ авторамъ диссертаций, предоставляемыхъ въ Академію на соисканіе степени магистра и доктора.

VII. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи выпуска текущаго 1910 года *Александра Горскаго*:

„Намѣреваясь посвятить свой стипендіатскій годъ изученію исторіи русской литературы и соприкасающихся съ нею предметовъ, и находя полезнымъ для этой цѣли, согласно указанію руководителя моихъ занятій—и. д. доцента Н. Л. Туницкаго,—прослушать курсъ университетскихъ лекцій, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской духовной Академіи исходатайствовать мнѣ предъ Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета право бесплатнаго посѣщенія лекцій въ текущемъ году и пользованія книгами университетской библіотеки безъ залога“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Г. Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи просьбы профессорскаго стипендіата А. Горскаго.

VIII. а) Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи выпуска 1910 года *Благовѣщенскаго Сергѣя* на тему: „Отець Іоаннъ Кронштадтскій, какъ проповѣдникъ“.

1) И. д. доцента Академіи *священника Д. В. Рождественскаго*:

„Въ своемъ довольно объемистомъ сочиненіи (XIV—122 стр.), заключающемъ, кромѣ совсѣмъ краткаго предисловія и необширнаго введенія, пять главъ, г. Благовѣщенскій далъ характеристику личности о. Іоанна, обрисовалъ его пастырско-проповѣдническую дѣятельность и изложилъ систематически содержаніе его проповѣдей. Въ представленной работѣ обнаружено обстоятельное знакомство какъ съ проповѣдническими трудами о. Іоанна, такъ и съ тѣмъ, что было писано о немъ. Сочиненіе изложено языкомъ простымъ и почти всюду правильнымъ. Будучи вполне достаточнымъ для присужденія автору кандидатской степени, рецензируемый трудъ не свободенъ, однако, не только отъ маловажныхъ, но и довольно существенныхъ недочетовъ.

Прежде всего, то, что авторомъ изложено въ главахъ III и IV его сочиненія (стр. 141—380), можно было бы сократить до нѣсколькихъ страницъ, выбравъ изъ проповѣдей о. Іоанна догматическаго и правоучительнаго содержанія только то, что обращаетъ на себя вниманіе или оригинальною постановкою вопроса, или своеобразнымъ развитіемъ темы, или самымъ характеромъ изложенія. Но у автора мы встрѣчаемъ здѣсь такую полноту и обстоятельность, которая совершенно не обусловливается данною темою. Въ этихъ главахъ излагается православно-христіанское ученіе въ той самой формѣ и въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какъ принято вообще излагать истины вѣры въ учебныхъ руководствахъ по Закону Божію и въ катихизическихъ поученіяхъ (стр. 148—149, 168, 171—172, 197, 213, 251, 292 и др.). На стр. 248 читаемъ, напр.: „Отъ кающагося требуется еще намѣреніе исправить свою жизнь и стараніе одолѣвать грѣхъ. А безъ этого покаяніе является тщетнымъ. О. Іоаннъ совершенно отрицаетъ пользу того покаянія, послѣ котораго опять безъ зазрѣнія совѣсти предаются тѣмъ же грѣхамъ, въ коихъ покаялись“. Но кто же этого не отрицаетъ? Какой же пра-

вославный пастырь учить иначе? Обыкновенно авторъ выписываетъ полностью и многочисленные тексты, приводимые въ поученіяхъ о. Іоанна (стр. 211—212, 302 и др.). Кромѣ того, въ самомъ расположеніи параграфовъ этихъ главъ замѣчается какая-то странная непоследовательность; вотъ, напр., въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ они другъ за другомъ на стр. 213 — 238: „о Церкви“, „о храмѣ“, „объ отношеніи Церкви къ государству“, „о почитаніи иконъ“.

Но если въ сочиненіи г. Благовѣщенскаго встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ излишнія подробности, то, съ другой стороны, у него же можно отмѣтить по мѣстамъ отсутствіе необходимыхъ иллюстрацій и примѣровъ изъ сочиненій о. Іоанна; напр., тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ объ особенностяхъ языка проповѣдей о. Іоанна, изложены у него слишкомъ сжато (стр. 118—125). Существенно важный пробѣлъ представляетъ отсутствіе перечисленія проповѣдническихъ трудовъ о. Іоанна, имѣющихся въ печати; нѣтъ и перечня тѣхъ пособій, которыми пользовался самъ авторъ. Цитатія не вездѣ точна и опредѣленна: на стр. VI, въ прим. 2 замѣчено: „прекрасное описаніе этого мы встрѣчаемъ у *Михаила, 130—134*“ (ср. стр. VII, примѣч.); только изъ дальнѣйшаго изложенія выясняется, что авторъ дѣлаетъ здѣсь ссылку на изданное въ качествѣ приложенія къ журналу „Православно-Русское Слово“ за 1904 г. сочиненіе *іеромонаха Михаила* (бывшаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи) „О. Іоаннъ Кронштадтскій“.

Существенно важнымъ недостаткомъ сочиненія необходимо признать и то, что авторъ почти совсѣмъ не даетъ критической оцѣнки проповѣдническихъ трудовъ о. Іоанна, не указываетъ на достоинства и недостатки ихъ, не говоритъ, въ какихъ же отношеніяхъ (и во всѣхъ ли) можетъ о. Іоаннъ, какъ проповѣдникъ, служить примѣромъ для подражанія. Нѣкоторыя выраженія изъ проповѣдей о. Іоанна требовали отъ автора спеціальнаго разъясненія, такъ какъ приведенныя отрывочно и безъ поясненій они могутъ вызвать недоумѣніе. Таковы, напр., слѣдующія выраженія: „я не говорю, что нужно подавать всякому бѣдному“... (стр. 357=Полн. собр. сочиненій протоіеря Іоанна Ильича Сергіева, т. II, стр. 597) или: „любить ближняго, какъ себя, значить уважать его, какъ себя, если онъ, впрочемъ, того достоинъ“... (стр. 350—351=стр. 639

тома II). Въ изложеніи авторомъ взглядовъ о. Іоанна на женщину и на бракъ замѣчается трудно примиримое противорѣчіе (ср. стр. 361—363 и 379—380). Наконецъ, авторъ совершенно неправильно утверждаетъ, будто о. Іоаннъ смѣшивалъ понятія „Церковь“ и „храмъ“ и храмъ именно называлъ „столпомъ и утвержденіемъ истины“ (стр. 222, пр. 4 и стр. 226; ср. „Новыя слова, произнесенныя въ 1902 году“, стр. 144—147).

Ошибокъ и описокъ въ рассматриваемомъ сочиненіи въ общемъ такъ много, что совсѣмъ не упомянуть о нихъ нельзя“.

2) Ординарнаго профессора *М. М. Таръева*:

„Недостатки сочиненія—небрежность и необработанность, сказывающіяся въ ореографическихъ погрѣшностяхъ, въ неправильномъ строеніи фразы, въ неточностяхъ цитаціи, въ искаженіи выдержекъ, въ странностяхъ и бездоказательности сужденій, въ нестрогой послѣдовательности мысли.

Достоинства работы—хорошее знакомство съ сочиненіями проповѣдника и съ литературою вопроса, горячая заинтересованность темой, обиліе использованнаго и обсужденнаго матеріала“.

б) Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи выпуска текущаго 1910 года *Уарова Петра* „Философія исторіи бл. Августина“.

1) Бывшаго и. д. доцента Академіи (нынѣ находящагося за штатомъ) *О. М. Россейкина*:

„Небольшое по объему сочиненіе г. Уарова состоитъ изъ 4 главъ. Для уясненія исторіо-философскихъ воззрѣній бл. Августина авторъ признаетъ необходимымъ „прежде всего познакомиться какъ съ самою личностью Отца, такъ и съ тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ вращался“ (стр. 5). Поэтому 1-ю главу (1—47) сочиненія онъ посвящаетъ біографіи Августина и 2-ю (43—79)—очерку религіозно-общественной жизни Рима и Карфагена конца IV и начала V вѣка съ ея борьбой умирающаго язычества и торжествующаго христіанства. Въ 3 главѣ (79—175) излагается философія исторіи Августина; въ 4 гл. (175—236) дана ея оцѣнка съ выясненіемъ какъ положительнаго значенія воззрѣній Августина.

такъ и его вліянія на исторіо-философскую мысль послѣдующихъ вѣковъ.

Намѣтивъ правильный планъ, г. Уаровъ выполнилъ его въ общемъ удовлетворительно. Біографія бл. Августина, написанная главнымъ образомъ по Исповѣди, достаточно ярка; очерки второй главы читаются съ интересомъ и достаточно готовятъ читателя къ пониманію воззрѣній Августина; изложеніе системы правильно и снабжено въ нужныхъ случаяхъ выдержками изъ *De civitate Dei*. Наконецъ, въ 4 главѣ авторъ постарался собрать все, какія могъ найти, замѣчанія по поводу системы Августина. Но нужно признать, что г. Уаровъ положилъ на свое сочиненіе труда лишь столько, сколько было необходимо, чтобы сочиненіе достигло своей непосредственной цѣли. Взявъ Исповѣдь и *De civitate Dei*—конечно, въ русскомъ переводѣ,—и прочитавъ статью іером. Григорія и книги Буасье, Герье, Трубецкого, Стасюлевича и немногія другія, авторъ и скомбинировалъ свое сочиненіе, не претендуя на большую самостоятельность. Для первыхъ трехъ главъ построеніе сочиненія идетъ гладко,—можно только поставить автору въ упрекъ, что, начавъ излагать въ III гл. воззрѣнія Августина довольно подробно, къ концу главы позволилъ своему научному вниманію сильно ослабѣть, становится менѣе словоохотливымъ и сокращаетъ изложеніе. Но въ 4 главѣ чувствуются шероховатости. Дѣло въ томъ, что авторы, которыхъ въ 4 гл. имѣетъ въ виду г. Уаровъ, занимая неодинаковыя философскія позиціи, опѣниваютъ систему Августина съ разныхъ точекъ зрѣнія. Г. Уаровъ спокойно свелъ всѣхъ ихъ во-едино, не смущаясь тѣмъ, что іером. Григорій и Раппопортъ видятъ въ системѣ Августина, конечно, не одинаковыя достоинства.—Насколько авторъ далекъ отъ намѣренія произвести своимъ сочиненіемъ впечатлѣніе научности, видно изъ принятой имъ системы цитации. Очень скупой на ссылки, авторъ тамъ, гдѣ видитъ себя вынужденнымъ поставить цитату, не только никогда не указываетъ страницы цитуемой книги (стр. 19, 46, 65, 75, 76, 79 и т. д.); но часто не приводитъ и ея заглавія, ограничиваясь лаконическимъ замѣчаніемъ подъ строкою: „взято у Буасье“ (51); „Стасюлевичъ“ (184); „изъ статьи іер. Григорія“ (190); „выдержка изъ ст. Герье“ (117); „Фестюль-де-Куланжъ“ (178), какъ называетъ г. Уаровъ из-

вѣстнаго Фюстель-де-Куланжа. Читатель долженъ самъ догадываться, какую книгу и страницу угодно разумѣть автору.—Изложеніе г. Уарова ясно и мѣстами красиво.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе г. Уарова достаточно“.

2) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

Сочиненіе студента LXV выпуска Петра Уарова—„Философія исторіи Блаж. Августина“ написано хорошо. Изъ недостатковъ его могу указать лишь на два: 1) онъ работалъ, повидимому, по переводу сочиненій Бл. Августина, не справляясь съ подлинникомъ; даже, можетъ быть, бралъ приводимыя имъ цитаты изъ вторыхъ рукъ, не свѣряя ихъ съ подлинникомъ: по крайней мѣрѣ, на стр. 100 въ сноскѣ 4-й указанное имъ мѣсто не заключаетъ въ себѣ того, что онъ приводитъ въ текстѣ какъ взятое оттуда; на стр. 105 его текстъ русскій не соотвѣтствуетъ подлиннику.— 2) Слогъ его мѣстами неправиленъ: напр., стр. 111 „допустивъ свободу воли въ человѣкѣ, ... она, повидимому, не согласуется съ другимъ свойствомъ Божіимъ“.

Справка: 1) По § 110 лит. б п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата богословія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса дѣйствительный студентъ *Благовѣщенскій* Сергѣй имѣетъ балль 4^{1/2}.

Опредѣлили: Дѣйствительныхъ студентовъ Академіи выпуска текущаго 1910 года *Благовѣщенскаго* Сергѣя и *Уарова* Петра удостоить степени кандидата богословія, съ представленіемъ *Благовѣщенскому* права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IX. Прошенія на имя Преосвященнаго Ректора бывшихъ студентовъ III курса Академіи:

а) *Мацкевича* *Иосифа*: „Представляя при семъ медицинское свидѣтельство отъ 15 сентября сего года о моей болѣзни,

не давшей мнѣ возможности своевременно явиться въ Академію, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять меня въ число студентовъ Академіи“.

б) *Успенскаго Ивана*: „Покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Преосвященство, принять меня въ число студентовъ Московской Духовной Академіи.“

При семъ прилагаю медицинское свидѣтельство для объясненія причины своей неявки къ началу учебныхъ занятій“.

Справка: По опредѣленію Правленія Академіи отъ 16 сентября с./г. студенты III курса *Мацкевичъ* Юсифъ и *Успенскій* Иванъ, неявившіеся въ Академію изъ отпуска на лѣтнія каникулы болѣе недѣли послѣ назначеннаго срока и не представившіе никакихъ свѣдѣній о причинѣ своей неявки, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 16—26 ноября 1877 года за № 1738,—считаются выбывшими изъ числа студентовъ Академіи.—Обратное принятіе таковыхъ студентовъ или отказъ въ приѣмъ, по тому же Синодальному опредѣленію, зависитъ отъ усмотрѣнія Совѣта Академіи.

Опредѣлили: Признавая причины неявки Юсифа *Мацкевича* и Ивана *Успенскаго* изъ отпуска въ назначенный срокъ—законными,—зачислить ихъ обратно въ списки студентовъ III курса Академіи, о чемъ, согласно § 110 лит. б п. 7 академическаго устава, и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

X. Представленіе благочиннаго 1-го округа Козельскаго уѣзда, Калужской епархіи, *протоіеря Митрофана Покровскаго*:

„Студентъ Калужской Духовной Семинаріи *Сергій Покровский*, назначенный Правленіемъ Семинаріи въ семь году для поступленія безъ экзамена въ Московскую Духовную Академію и заболѣвшій въ августъ мѣсяцъ нервнымъ разстройствомъ, былъ отправленъ изъ города Козельска, гдѣ имѣлъ свое пребываніе, въ Калужскую Губернскую Земскую Больницу. Выданное оттуда свидѣтельство Старшаго Врача, отъ 20 Августа 1910 года за № 6882-мъ, при заявленіи брата сказаннаго студента, *Протоіеря Козельскаго Успенскаго Собора Митрофана Покровскаго*, отъ 23 числа того же августа, представлено было въ Совѣтъ Академіи, съ просьбою—

предоставить студенту Покровскому отсрочку для явки его въ Академію. Въ началѣ сего сентября студентъ Покровскій для лѣченія его перемѣщенъ былъ въ Московскую Окружную Лечебницу для душевно-больныхъ, гдѣ находится и въ настоящее время.

Представляя о семъ Совѣту Московской Духовной Академіи, долгъ имѣю ходатайствовать предъ Совѣтомъ о продленіи студенту Покровскому срока для явки въ Академію впредь до его выздоровленія. Медицинское свидѣтельство о ходѣ его болѣзни и состояніи здоровья представлено будетъ немедленно, по полученіи такового изъ Лечебницы.

Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи не оставить на сіе своимъ увѣдомленіемъ, дабы о рѣшеніи Совѣта я могъ поставить въ извѣстность студента Покровскаго и его родственниковъ“.

Справка: Изъ доставленнаго впоследствии о. протоіереемъ Покровскимъ свидѣтельства Директора Московской Окружной Лечебницы для душевно-больныхъ, отъ 5 октября за № 4581, видно, что студентъ I курса Академіи Сергѣй Покровскій находится въ означенной Лечебницѣ съ 5 сентября 1910 года, страдая душевною болѣзнію въ формѣ раняго слабоумія.

Опредѣлили: Продолжить студенту I курса Академіи *Сергѣю Покровскому* срокъ явки въ Академію впредь до выздоровленія, — о чемъ и увѣдомить о. протоіерея Митрофана Покровскаго.

XI. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Завѣдывающаго пастырскими курсами въ Москвѣ, отъ 29 сентября за № 7877:

„Долгъ имѣю увѣдомить Ваше Преосвященство, что вольнослушатель Московской Духовной Академіи Николай Успенскій съ 4-го октября с.г. принять на Пастырскіе Курсы, имѣющіе быть въ Москвѣ съ 5 октября 1910 г. по 4-е апрѣля 1911-го года“.

Опредѣлили: Потомственнаго почетнаго гражданина *Николая Успенскаго*, допущеннаго къ слушанію академическихъ лекцій по резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 5 августа текущаго 1910 года, — исключить изъ списковъ вольнослушателей Академіи.

ХІІ. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 28 сентября за № 433: „1910 г. Окт. 2. Садовскаго разрѣшается допустить къ слушанію академическихъ лекцій“.

Справка: При упомянутомъ представленіи за № 433 Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, согласно § 150 академическаго устава, представлена была на окончательное распоряженіе Его Высокопреосвященства переписка по прошенію на имя Его Высокопреосвященства студента Курской духовной семинаріи *Евгенія Садовскаго* о допущеніи его къ слушанію лекцій въ Московской Духовной Академіи.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Нояб. 8. Постановленія по ст. VIII и IX утверждаются. Прочее смотрѣно“.

6 и 13 октября 1910 года.

№ 24.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго: въ собраніи 6-го октября—всѣ члены Совѣта Академіи; въ собраніи 13-го октября—за исключеніемъ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова, отсутствовавшаго по болѣзни, ординарнаго профессора Михаила Тарѣева—по семейнымъ обстоятельствамъ и вновь утвержденнаго Святейшимъ Синодомъ въ званіи экстраординарнаго профессора Академіи священника Евгенія Воронцова—по болѣзни.

Въ собраніяхъ сихъ имѣли сужденіе о замѣщеніи кафедры *церковнаго права* въ Академіи, имѣющей освободиться съ 16-го августа 1911 года, по прекращеніи чтенія лекцій по сему предмету сверхштатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Академіи Николаемъ Заозерскимъ.

I. Въ первомъ собраніи были выслушаны:

1) Предложеніе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ церковнаго права Николая *Заозерскаго*:

„Почитаю своимъ долгомъ рекомендовать, въ качествѣ кандидата на кафедре Церковнаго права, профессора И. М. Громогласова по слѣдующимъ основаніямъ:

Онъ можетъ съ самаго начала учебнаго года вступить въ отправленіе всѣхъ профессорскихъ обязанностей, какъ вполне подготовленный къ преподаванію этой науки.

Въ частности г. Громогласовъ является желательнымъ къ замѣщенію кафедры ц. права какъ ученый и преподаватель.

Въ первомъ отношеніи онъ—талантливый ученикъ и послѣдователь знаменитаго А. С. Павлова, усердно посѣщавшій его лекціи и посвященный въ ученые работы послѣдняго, документальнымъ доказательствомъ чего служитъ мастерски совершенное г. Громогласовымъ *посмертное* изданіе курса А. С. Павлова, каковое и могъ исполнить только онъ и никто изъ учениковъ и близко стоявшихъ къ Павлову лицъ по ученымъ занятіямъ.

Постоянное и продолжительное научное общеніе ученика съ учителемъ дало въ результатъ то, что первый вполне усвоилъ методъ и навыкъ послѣдняго ориентироваться въ массѣ сырого матеріала и литературѣ предмета. Эта павловская энергія въ собираніи матеріала, глубокой детальній анализъ текста источниковъ, свободное чтеніе ученой иностранной литературы, тщательная ея критика, строгая выдержанность въ обобщеніяхъ, тщательность отдѣлки и чистота русскаго ученаго стиля—эти черты павловскихъ ученыхъ работъ такъ явно выразились въ магистерской диссертациі г. Громогласова, посвященной памяти Павлова, что подъ нею охотно поставилъ бы свое имя послѣдній.

То обстоятельство, что г. Громогласовъ до сихъ поръ, одновременно съ своими частными занятіями церковнымъ правомъ, долженъ былъ изучать и преподавать Исторію и обличеніе русскаго раскола, имѣло ту хорошую сторону для занятій церковнымъ правомъ, что г. Громогласовъ по необходимости долженъ былъ удѣлять особенное вниманіе памятникамъ древне-русскаго права какъ переводнымъ (какъ-то Кормчая книга всѣхъ фамилій), такъ и оригинальнымъ (Дѣянія соборовъ XVI и XVII в.в.), которые особенно цѣнятся раскольниками или имѣютъ близкое отношеніе къ расколу.

Эти свойства ученыхъ работъ г. Громогласова являются особенно цѣнными въ настоящій моментъ, переживаемый

русскою наукою ц. права, который нельзя иначе назвать, какъ критическимъ. Въ прошломъ году эта наука понесла дорогую утрату въ лицѣ умершаго Н. С. Суворова, профессора Московскаго Университета, а въ настоящемъ—въ лицѣ профессора, протоіерея о. М. И. Горчакова. Какъ университетскія, такъ и академическія каѳедры ц. права теперь или пустыютъ или замѣщены только юными начинающими преподавателями. Но при далеко недостаточной разработанности нашей науки ц. права въ обѣихъ ея частяхъ (исторической и догматической) каждому начинающему профессору предлежитъ необходимость подпасть подъ вліяніе готовыхъ курсовъ иностранной науки ц. права, всегда запечатлѣнныхъ конфессіональною зависимостью (католичества или протестантства) и въ силу этого и съ профессорскою каѳедры выступать невольнымъ агитаторомъ той или другой конфессіи. Избѣжать этой опасности можетъ только ученый, овладѣвшій первоисточниками права и привыкшій къ самостоятельному критическому отношенію къ литературнымъ пособіямъ.

Но этими именно свойствами и успѣлъ заявить себя г. Громогласовъ и въ нихъ—гарантія того, что онъ избѣгнетъ опасности быть рабомъ—компиляторомъ иностранныхъ мастеровъ.

Наконецъ, какъ преподаватель, г. Громогласовъ обладаетъ завидною способностью импровизировать отчетливо, выразительно, сохраняя строгую логическую послѣдовательность.

Принимая во вниманіе эти свойства г. Громогласова какъ ученаго и преподавателя, и приводя себѣ на память молодыхъ ученыхъ, заявившихъ себя учеными опытами по наукѣ ц. права, я не могу назвать ни одного, который могъ бы конкурировать съ г. Громогласовымъ въ кандидатурѣ на каѳедру ц. права“.

2) Заявленіе экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола старообрядчества *Ильи Громогласова*:

„Указъ Св. Синода отъ 31 іюня с. г., за № 10299, въ п. 3 отдѣла Б предусматриваетъ возможность перемѣщенія профессоровъ Академіи, по ихъ желанію, съ занимаемыхъ ими каѳедръ на другія, оказавшіяся свободными при введеніи новаго академическаго Устава. .

Пользуясь симъ разрѣшеніемъ Высшей духовной Власти, честь имѣю заявить Совѣту Академіи о желаніи моемъ быть перемѣщеннымъ съ занимаемой мною кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола старообрядчества на кафедру церковнаго права, освобождающуюся съ выходомъ въ отставку профессора Н. А. Заозерскаго, и почтительнѣйше просить Совѣтъ о возбужденіи соотвѣтствующаго ходатайства предъ Святѣйшимъ Синодомъ. Въ качествѣ основаній для своей просьбы позволяю себѣ указать слѣдующее:

а) По окончаніи мною академическаго курса въ 1893 г. я былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ при кафедрѣ церковнаго права и теченіе стипендіатскаго года занимался, съ разрѣшенія Совѣта Академіи, на Юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета изученіемъ юридическихъ наукъ и въ частности церковнаго права.

б) Будучи избранъ въ сентябрѣ 1894 г. на кафедру Исторіи и обличенія русскаго раскола, я тѣмъ не менѣе не оставлялъ занятій церковнымъ правомъ, разработывая вопросы православной противораскольнической полемики, соприкосновенные съ этою областью знаній (напр., вопросъ о раскольнической Бѣлокриницкой іерархіи съ канонической точки зрѣнія), а равно и нѣкоторые спеціальные вопросы церковнаго права; имъ посвящена значительная часть моихъ печатныхъ работъ.

в) Мною же было подготовлено, по порученію редакціи академическаго журнала, посмертное изданіе „Курса церковнаго права“ моего университетскаго руководителя, проф. А. С. Павлова, отмѣченное специалистомъ (проф. Бердниковымъ, — см. Богосл. Энцикл. т. 8 стр. 434), какъ „великая служба канонической наукѣ“.

г) Къ области церковнаго права относится и моя магистерская диссертация: „Опредѣленія брака въ Кормчей“, изданная въ 1908 г., а также и другое изслѣдованіе, мною нынѣ обрабатываемое для печати“.

Послѣ этого заявленія профессоръ *Громогласовъ* оставилъ засѣданіе.

3) Предложеніе *Преосвященнаго Ректора Академіи*:

„Честь имѣю предложить Совѣту Академіи съ своей стороны въ качествѣ кандидата для имѣющей освободиться съ

начала будущаго учебнаго года каедръ Церковнаго права кандидата юридическихъ наукъ, привать-доцента по каедрѣ церк. права и кандидата богословія (С.-Петербургской Академіи) Николая Димитріевича Кузнецова, давшаго мнѣ свое согласіе на это. Надѣюсь, что имя послѣдняго достаточно извѣстно какъ представителю науки церковнаго права въ Академіи, такъ и прочимъ членамъ Совѣта именно со стороны научныхъ печатныхъ трудовъ въ области церковнаго права. Лично мнѣ извѣстны слѣдующіе его печатные труды:

1) Управление дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ его историческомъ развитіи (напечатано по опредѣленію Совѣта Демид. Юрид. Лицея во Временникѣ Юридическаго Лицея).

2) Преобразованія въ Русской церкви. Разсмотрѣніе вопроса по неизданнымъ документамъ съ точки зрѣнія требованій жизни.

3) По вопросамъ церковныхъ преобразованій: участіе народа въ дѣлахъ церковныхъ, вопросъ о патріаршествѣ и вопросъ объ отношеніи церкви и государства въ Россіи. Доклады и рѣчи въ предсоборномъ присутствіи.

4) Принципы организаціи прихода. Докладъ предсоборному присутствію (напечатанъ въ журналахъ и протоколахъ присутствія).

5) Къ вопросу о церковномъ имуществѣ и отношеніи государства къ церковнымъ недвижимымъ имѣніямъ въ Россіи. Диссертация *pro venia legendi*. Она защищена публично въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ на званіе привать-доцента церковнаго права.

6) Церковь, духовенство и общество. Современная потребность живого участія народа въ дѣлахъ церковныхъ.

7) Общественное значеніе монастырей.

8) Духъ времени, потребности общества и принципы преподаванія Закона Божія. (Доклады на 1-мъ всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ).

9) О необходимости созыва Собора. Положеніе вопроса и разборъ возраженій.

10) Участіе народа въ дѣлахъ церковныхъ. Пробная лекція въ Демид. Юрид. Лицеѣ на званіе привать-доцента церковнаго права.

11) Къ вопросу о свободѣ совѣсти. Законъ о старообрядческихъ общинахъ въ связи съ отношеніемъ церкви и государства. Разборъ законопроектовъ Мин. Вн. Дѣлъ и Г. Думы. Разъясненіе принципа Господствующей Церкви и отшенія его къ принципу свободы совѣсти. Построеніе вѣроисповѣдныхъ законовъ на основаніи этихъ двухъ принциповъ.

Послѣднее сочиненіе, представляющее собою цѣлое изслѣдованіе въ 245 страницъ, было печатаемо въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, редакторомъ коего состоитъ Н. А. Заозерскій, специалистъ въ области церковнаго права, и такимъ образомъ имѣетъ въ этомъ самомъ достаточную себѣ оцѣнку. И думается, что перечисленныхъ трудовъ (только лично извѣстныхъ мнѣ) вполнѣ достаточно, чтобы признать научную правоспособность г. Кузнецова къ замѣщенію каеэдры церковнаго права въ Московской Духовной Академіи.

Мнѣ кажется особенно важнымъ сочетаніе въ лицѣ г. Кузнецова специальнаго юридическаго образованія съ специально богословскимъ, на каковое обстоятельство, какъ весьма важное условіе для замѣщенія каеэдры церковнаго права въ Духовныхъ Академіяхъ, указывали, покойные уже, извѣстные канонисты: Н. С. Суворовъ и Прот. М. И. Горчаковъ. И думается, что важность этого именно пункта при избраніи кандидата на каеэдру церковнаго права въ Духовную Академію объяснять совершенно излишне.

Компетентность г. Кузнецова въ вопросахъ церковнаго права призналъ уже Святѣйшій Синодъ, пригласивъ его вмѣстѣ съ другими извѣстными канонистами: проф. Бердниковымъ, Горчаковымъ и пр. для работъ въ предсоборномъ присутствіи; призналъ научную правоспособность г. Кузнецова и Демидовскій Юридическій Лицей, удостоившій его права преподаванія въ званіи привать-доцента по каеэдрѣ церковнаго права. Копію свидѣтельства Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея объ утвержденіи г. Кузнецова въ званіи привать-доцента при семъ прилагаю вмѣстѣ съ частію указанныхъ трудовъ (5 книгъ—названій)“.

Въ происшедшихъ по выслушаніи этихъ предложеній и заявленія преніяхъ о достоинствахъ выставленныхъ кандидатовъ на каеэдру наиболѣе дѣятельное участіе приняли

ординарный профессор Алексѣй *Введенскій* и сверхштатный заслуженный ординарный профессор Николай *Заозерскій*.

Профессоръ *Введенскій* указывалъ, главнымъ образомъ, на неблагоприятные отзывы о магистерской диссертациі профессора Громогласова Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Волынскаго и Житомирскаго, и ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета по кафедрѣ церковнаго права Гидулянова, отмѣчая, что послѣдній отзывъ остался непровергнутымъ въ печати со стороны заинтересованныхъ лицъ и до настоящаго времени, о чемъ выразилъ сожалѣніе и профессоръ *Спасскій*, а также на отсутствіе у профессора Громогласова другихъ серьезныхъ научныхъ работъ по церковному праву.

По поводу заявленія проф. Введенскаго профессорами *Заозерскимъ*, *Голубцовымъ*, *Соколовымъ*, *Поповымъ* и *Смирновымъ* было замѣчено, что отзывъ г. Гидулянова представляетъ собою не столько серьезную научную критику диссертациі проф. Громогласова, сколько полемическій памфлетъ, а въ послѣднихъ страницахъ даже пасквиль. При томъ научная компетентность самого г. Гидулянова является сомнительной. Какъ показываетъ обстоятельная рецензія на его докторскую диссертацию, напечатанная проф. С.-Петербургскаго Университета Андреевымъ въ послѣдней книжкѣ „Византійскаго Временника“, эта книга имѣетъ компилятивный характеръ и страдаетъ тѣми самыми недостатками, какіе г. Гидуляновъ приписываетъ диссертациі проф. Громогласова.

Профессоръ *Заозерскій*, отдавая должную дань приватъ-доценту Кузнецову, какъ талантливому публицисту по вопросамъ современной церковной жизни и спатуку гражданскаго права, и признаваясь, что онъ самъ неоднократно думалъ о немъ, какъ о возможномъ кандидатѣ на академическую кафедру церковнаго права, тѣмъ не менѣе рѣшительно поддерживалъ предложенную имъ кандидатуру профессора Громогласова, основывая свое предпочтеніе на томъ, что приватъ-доцентъ Кузнецовъ не обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ научнаго знакомства съ каноническими первоисточниками, между тѣмъ какъ профессоръ Громогласовъ въ своей магистерской диссертациі обнаружилъ глубокое и основательное знакомство съ источниками права не только каноническаго, но и римскаго, что засвидѣтельствовано такимъ

авторитетомъ въ наукѣ каноническаго права, какъ Преосвященный Никодимъ (Милашъ), Епископъ Далматинскій.

Преосвященный Ректоръ Академіи, съ своей стороны, заявилъ, что, помимо сомнительной научной цѣнности печатныхъ трудовъ проф. Громогласова, одна изъ публицистическихъ статей его, случайно прочитанная имъ въ журналѣ „Московскій Еженедѣльникъ“ за 1906 годъ, возбуждаетъ въ немъ большія сомнѣнія,—можетъ ли профессоръ Громогласовъ вести преподаваніе церковнаго права въ томъ направленіи, какое предписывается дѣйствующимъ уставомъ духовныхъ академій, гдѣ прямо говорится, что „преподавателями могутъ быть только лица православнаго исповѣданія, строго православнаго образа мыслей и церковнаго направленія“... (§ 65; ср. §§ 2 и 86).—При этомъ Преосвященный Ректоръ присовокупилъ, что въ силу этихъ указаній устава онъ долженъ будетъ по поводу кандидатуры проф. Громогласова выступить съ особымъ мнѣніемъ и приложить къ послѣднему указанную статью, и думаетъ, что, съ точки зрѣнія строгаго исполненія новаго устава, въ Святѣйшемъ Синодѣ, куда будетъ направлено дѣло объ избраніи, можетъ даже возникнуть вопросъ объ умѣстности вообще пребыванія проф. Громогласова въ Академіи.

Въ виду этого, а также въ виду поздняго времени (12 часовъ ночи), нѣкоторыми членами Совѣта была высказана мысль о необходимости отложить рѣшеніе вопроса о замѣщеніи каѳедры церковнаго права съ тѣмъ, чтобы частнымъ образомъ спросить проф. Громогласова, не пожелаетъ ли онъ взять обратно свое заявленіе.—Предложеніе отсрочить выборы поставлено было на баллотировку и принято единогласно.

II. Во **второмъ** собраніи, состоявшемся 13 октября 1910 года, вновь прочитаны были вышеизложенныя предложенія *Преосвященнаго Ректора Академіи* и сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Николая *Заозерскаго*, а затѣмъ оглашены были нижеслѣдующія заявленія:

а) Ординарнаго профессора *Сергѣя Глаголева*:

„Я долженъ заявить, что на меня произвелъ тяжелое впечатлѣніе тотъ способъ аргументаціи, которымъ пытались до-

казать, что профессоръ Илья Михайловичъ Громогласовъ является наиболѣе желательнымъ кандидатомъ на кафедру Церковнаго права. Лица, неодобрительно отзывавшіяся о трудахъ Ильи Михайловича, назывались пасквилянтами; говорилось, что лучше не поминать именъ авторовъ такихъ отзывовъ для спасенія ихъ чести, назывались клеветниками, представителемъ науки о правѣ была создана даже теорія какой-то безсознательной клеветы, то-есть, чего-то въ родѣ четырехъугольнаго круга. Наоборотъ, похвалы трудамъ Н. М. Громогласова почему то считались авторитетными, хотя бы похвалы были не мотивированы, а порицанія мотивировались.

Попытки части корпораціи выяснить себѣ степень подготовленности Ильи Михайловича къ занятію кафедры Церковнаго права потерпѣли полное крушеніе. Профессоръ Н. А. Заозерскій заявилъ, что вся предшествовавшая дѣятельность Ильи Михайловича была посвящена Церковному праву, потому что расколь есть каноническое право. Для меня, признаюсь, при такомъ заявленіи возникъ вопросъ: если расколь есть каноническое право, то для чего же Илья Михайловичъ хочетъ съ каноническаго права переходить на каноническое право. На вопросъ профессора Сергѣя Ивановича Соболевскаго,—есть ли кромѣ диссертациі у Ильи Михайловича еще труды по Церковному праву,—Н. А. Заозерскій отвѣтилъ: „нельзя же ихъ мѣрять аршиномъ“. Я хотѣлъ бы думать, что въ оцѣнкѣ этого отвѣта съ точки зрѣнія его цѣнности для выясненія дѣла не можетъ быть разногласія.

Но хотя проф. Николай Александровичъ сближалъ расколь съ каноническимъ правомъ до отождествленія, предлагаемый имъ кандидатъ ясно намъ выразилъ, что онъ не любилъ этой первой тождественной величины, но всегда любилъ вторую. Сочувствуя лицамъ, попадавшимъ не на любимую кафедру, онъ тутъ же высказалъ объ одномъ молодомъ богословѣ, избравшемся на Священное Писаніе, что онъ можетъ быть не любить этой кафедры и занять ее, лишь прельстившись честью быть академическимъ профессоромъ. Я думаю, что ни одинъ ученый не пойметъ такой узкой спеціальной любви, которая любитъ разсужденія отцовъ о Св. Писаніи и не любитъ Св. Писанія.

Я склоненъ думать, руководясь воспоминаніями довольно

отдаленнаго прошлаго, что Илья Михайловичъ вначалѣ не питалъ такой нелюбви къ исторіи раскола, которую проявляетъ онъ нынѣ, и я боюсь, что Илья Михайловичъ переоцѣниваетъ свою любовь къ Церковному праву. Едва ли онъ отдастъ свои силы этой любимой наукѣ, я считаю его весьма талантливымъ человѣкомъ, но по моему крайнему разумѣнію любви къ наукѣ у него нѣтъ и онъ въ будущемъ станетъ удѣлять ей лишь немногіе часы, какъ кажется, не много удѣлялъ ихъ онъ и въ прошедшемъ.

Въ наши дни перестройства уклада нашей государственной и церковной жизни Церковное право является не отвлеченною только доктриною, а руководственнымъ началомъ для рѣшенія каждый день задаваемыхъ жизнью вопросовъ. Относительно Ильи Михайловича я полагаю, что научная дисциплина отъ него отстоитъ далеко, а практическія рѣшенія вопросовъ у него всѣ готовы, какъ они готовы у различныхъ фельетонистовъ Русскихъ Вѣдомостей, Русскаго Слова и иныхъ органовъ, имя которыхъ легіонъ, и дѣятельность которыхъ направляется не къ выясненію правъ церкви, а просто къ ея разрушенію.

Меня пожалуй сейчасъ же назовутъ клеветникомъ и доносчикомъ, скажутъ, что я обвиняю нашего профессора въ антицерковности. Боже меня сохрани! Я только вижу, что онъ крайне непрактичный дѣлецъ. Онъ хочетъ бороться съ недостатками и неумѣньемъ лицъ одинаковой съ нимъ вѣры при помощи людей враждебныхъ этой самой вѣрѣ. И мнѣ приходилось видѣть, что его диссертацию уже старались использовать для того, чтобы бросить тѣнь на академію и Синодъ. Помню, въ Русскихъ Вѣдомостяхъ я читалъ, что недостатки академической школы сдѣлали то, что онъ употребилъ много лѣтъ на восполненіе этихъ недостатковъ изученіемъ университетской науки и потому такъ много лѣтъ не появлялась его диссертация. Я позволю себѣ высказаться относительно этого прямо: диссертация его такъ долго не появлялась вслѣдствіе его нежеланія заниматься quasi-любимымъ предметомъ, а явилась она не благодаря университетской наукѣ, а вслѣдствіе синодскаго циркуляра, объявившаго, что и. д. доцента, не подавшіе сочиненія къ такому сроку, будутъ уволены.

Я всегда высоко цѣнилъ Илью Михайловича, какъ талант-

ливаго челоуѣка, но по крайнему моему разумѣнію и совѣсти, я полагаю, что на исторіи раскола онъ несравненно болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ на каедрѣ Церковнаго права. Мнѣ кажется, что у него ужъ слишкомъ много того, что называется предвзятыми идеями. Въ области исторіи они не повредятъ, тамъ они провѣряются фактами, и его ясный умъ всегда покажетъ ему, былъ ли онъ правъ или ошибался въ своихъ предположеніяхъ, но при рѣшеніи вопросовъ церковныхъ правоту или неправоту его воззрѣній можетъ показать только будущее и эксперименты въ этомъ направленіи могутъ принести много вреда. Боясь этого, я рѣшительно стою противъ того, чтобы состоялся переходъ Ильи Михайловича съ Исторіи раскола на Церковное право“.

б) *Преосвященнаго Ректора Академіи и ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго:*

„Въ виду исключительной важности, по обстоятельствамъ времени, вопроса о замѣщеніи каедры Церковнаго права, долгомъ своимъ поставляемъ войти въ Совѣтъ Академіи по этому вопросу нашимъ настоящимъ мнѣніемъ.

На означенную каедру заявилъ себя кандидатомъ (въ засѣданіи 15-го сентября и 6-го октября) проф. И. М. Громогласовъ, каковое заявленіе его чрезъ особую письменную рекомендацію поддержано въ Совѣтъ 6-го окт. проф. Н. А. Заозерскимъ. По поводу этой кандидатуры мы имѣемъ заявить слѣдующее.

1) Намъ кажется, прежде всего, что вопросъ о пей уже предрѣшенъ, если и не всѣмъ Совѣтомъ, то, во всякомъ случаѣ, многими его членами,—и именно предрѣшенъ въ смыслѣ *отрицательномъ*. Когда въ совѣтскихъ засѣданіяхъ 23 сент.—7 окт. прошлаго, 1909 года, обсуждался аналогичный вопросъ о замѣщеніи каедры Греческаго языка, то проф. *Голубцовъ* мотивировалъ свой отказъ отъ голосованія по этому вопросу, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что „не представляется надобности въ приглашеніи преподавателя *уже не молодого*“, когда у насъ есть кандидаты молодые изъ профессорскихъ стипендіатовъ. Къ этому мнѣнію проф. Голубцова присоединились и нѣкоторые другіе члены Совѣта, а именно гг. профф.: Заозерскій, Муретовъ, Соколовъ, Поповъ и Смирновъ. Независимо отъ того, какъ лично

мы относимся къ аргументу, выдвинутому проф. Голубцовымъ, позволяемъ себѣ думать, что подписавшихъ это мнѣніе *логика обязываетъ* теперь о немъ вспомнить. Правда, тогда имѣлся въ виду кандидатъ „сторонній, а теперь—свой“. Но едва ли это соображеніе много можетъ вѣсить на вѣсахъ ученой коллегіи. Правда, также и то, что кандидатъ на кафедре Церковнаго права нѣсколько моложе тогдашняго кандидата на кафедре Греческаго языка (не на много, однако же,—всего на 2 или 3 служебныхъ года). Но за то, тогда какъ послѣдній выражалъ желаніе послужить Академіи на кафедрѣ, съ предметомъ которой онъ хорошо освоился во время долготѣшняго университетскаго преподаванія.—первый заявляетъ желаніе перейти на кафедру, для которой онъ долженъ работать заново. Послѣднее различіе, на нашъ взглядъ, очень существенно и, конечно,—не въ выгоду для обсуждаемаго кандидата на кафедре Церковнаго права. Полагаемъ, поэтому, что, кто высказался противъ той кандидатуры, тотъ выскажется и противъ этой: *логика, повторяемъ, обязываетъ*.

2) Рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ о кандидатурѣ проф. Громогласова могла бы быть его магистерская диссертация, написанная по предмету Церковнаго права. Но, къ сожалѣнію, вопросъ о научномъ достоинствѣ этой диссертации есть вопросъ весьма спорный. Если, съ одной стороны, официальные оппоненты, гг. профф. *Заозерскій* и *Андреевъ*, дали о ней заключенія лестныя, то, съ другой стороны, цѣнители не менѣе компетентные, Высокопреосвященнѣйшіи *Антоній* Волынскій и проф. Каноническаго права въ Московскомъ Университетѣ *Гидуляновъ*, высказались о ней въ смыслѣ, прямо противоположномъ. Не позволяемъ себѣ судить, на чьей сторонѣ правда. Но, полагаемъ, что вовсе не нужно быть специалистомъ, чтобы по достоинству взвѣсить тотъ фактъ, на который согласно указываютъ оба послѣдніе рецензента,—что научное содержаніе и ученое достоинство диссертации проф. Громогласова далеко не соотвѣтствуютъ времени, употребленному имъ на ея составленіе,—настолько не соотвѣтствуютъ, что одинъ изъ рецензентовъ (проф. *Гидуляновъ*) высказываетъ даже догадку, „не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣла просто съ какимъ-нибудь студенческимъ сочиненіемъ автора, вслѣдствіе независящихъ об-

стоятельствъ поднесеннымъ Совѣту Академіи и публикѣ подъ новымъ соусомъ въ видѣ диссертациі“ (См. оттискъ изъ XV т. „Византійскаго Временника“, 1908 г. стр. 12)... Не входя въ соображенія о томъ, чѣмъ именно обусловлено это несоотвѣтствіе между затраченнымъ на составленіе диссертациі временемъ и ея содержаніемъ, не можемъ, однако же, не остановиться вотъ предъ какимъ вопросомъ: если въ продолженіе бѣльшей половины своей службы, по предмету постоянно и преимущественно занимавшему автора диссертациі, какъ онъ заявилъ о томъ въ Совѣтѣ, онъ далъ сравнительно такъ мало,—то что-же сможетъ онъ сдѣлать для *новой* кафедры, во вторую, уже значительно меньшую половину службы, когда, какъ извѣстно, энергія и силы идутъ на убыль?.. Опасаемся, какъ бы въ случаѣ замѣщенія кафедры Церковнаго права обсуждаемымъ кандидатомъ, Академія не пожалала скудные плоды.

3) Съ лѣтами у человѣка науки, какъ извѣстно, складываются, если и не всегда твердыя и стойкія научныя убѣжденія, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые общіе взгляды, отъ которыхъ онъ уже потомъ не легко отказывается и которые обыкновенно кладетъ въ основу своихъ дальнѣйшихъ работъ. Такіе взгляды, насколько можно судить о нихъ по обнаруженію въ печати, есть и у профессора Громогласова. Но, къ сожалѣнію, они, и они-то именно всего менѣе способны предрасполагать въ пользу его кандидатуры. Когда въ началѣ 1906 года на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ появилась его „Бастилія духа“, а въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ“ статья: „Освободительное движеніе и официальная церковь“, то можно было искренно придти въ недоумѣніе. Конечно, кое-что въ литературной эволюціи нашего автора можно объяснить вѣяніями времени, царившимъ тогда въ умахъ возбужденіемъ, общею нервною приподнятостью (хотя, конечно, и это приспособленіе къ господствующимъ настроеніямъ *со стороны ученаго*—не доблесть!).. Но во всемъ этимъ можно объяснить именно лишь кое-что и—далеко не все. Кажется, что, кромѣ того, въ указанныхъ статьяхъ проф. Громогласова нашли выраженіе и тѣ общіе его взгляды, о которыхъ сказано выше,—взгляды, къ сожалѣнію, болѣе, чѣмъ сомнительные и, во всякомъ случаѣ, въ смыслѣ директивныхъ для курса Церковнаго права, едва ли желательные.

Содержаніе этой статьи таково, что оно должно бы пробудить въ членахъ Совѣта особую осторожность въ отношеніи кандидатуры г. Громогласова на кафедре Церковнаго права. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, хорошо взвѣсить то обстоятельство, что, вѣдь, вопросъ идетъ о томъ, чтобы ввѣрить не одно и не два, а нѣсколько поколѣній юношества духовному руководительству человѣка съ образомъ мыслей, едва-ли соответствующимъ тому, что указано въ §§ 2, 65 и 86 Уст. Акад. Хорошо ли будетъ, если онъ составитъ свой новый курсъ подъ сомнительно-церковнымъ угломъ зрѣнія и будетъ напаять души слушателей чувствами нездороваго возбужденія, охудшеніемъ и осужденіемъ всего строя нашей церковно-государственной жизни,—не только въ ея прошломъ, но и въ настоящемъ, не только въ рядовыхъ ея строителяхъ, но и въ высшихъ руководителяхъ и направителяхъ. Конечно, наука немыслима безъ критики. Но критика критикѣ рознь. Бываетъ критика чуткая, бережная, любовная, усчитывающая и взвѣшивающая всѣ обстоятельства и условія, при которыхъ слагалось то или иное явленіе церковно-государственной жизни. Но бываетъ критика поверхностная, тенденціозная,—то, что называютъ критиканствомъ и что не имѣетъ ничего общаго съ наукой... Опасаемся, какъ бы, замѣтивъ кафедре Церковнаго права обсуждаемымъ кандидатомъ, Академія не пожалала не только скудные, но и жесткіе, мало питательные и даже вредные плоды. Высокопреосвященнѣйшій Предсѣдатель Комиссіи по выработкѣ новаго академическаго Устава, архіепископъ Одесскій *Димитрій*, весьма мѣтко говорилъ, что „дѣло не только въ уставѣ, а и въ составѣ“, что никакой „церковности“ въ Академіяхъ не получится, хотя Уставъ много говоритъ о ней, если изложеніе предметовъ съ академическихъ кафедръ будетъ вестись въ противоцерковномъ духѣ... Нужно хорошо взвѣсить эту возможность. Чтобы не быть голословнымъ въ изложеніи по пункту 3-му, предлагаемъ Совѣту ознакомиться, если только онъ не знакомъ, хотя бы съ указанной статьей г. Громогласова изъ „Московскаго Еженедѣльника“, которую при семъ прилагаемъ.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній мнѣніемъ своимъ полагаемъ, что кандидатура проф. Громогласова на кафедре Церковнаго права должна быть *рѣшительно отклонена*“.

По прочтеніи послѣдняго заявленія, ординарный профессоръ Александръ *Голубцовъ* выразилъ пожеланіе, чтобы приведенная въ немъ in excerpto мотивировка отказа его, профессора Голубцова, и другихъ пяти членовъ Совѣта (сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Заозерскаго, заслуженнаго ординарнаго профессора М. Муретова, экстраординарныхъ профессоровъ П. Соколова, И. Попова и С. Смирнова) отъ подачи голоса въ собраніи Совѣта 7-го октября 1909 года по дѣлу о замѣщеніи вакантной каѳедры греческаго языка и его словесности,—въ интересахъ болѣе полного и правдиваго изложенія дѣла,—приведена была въ журналѣ настоящаго собранія in extenso.

Какъ видно изъ журнала собраній Совѣта 23 сентября—7-го октября 1909 года, профессоръ *Голубцовъ* мотивировалъ тогда свой отказъ подать голосъ слѣдующимъ образомъ:

*„Въ только что заслушанномъ прошеніи на имя преосвященнаго Ректора проф. Соболевскій проситъ назначить его на каѳедру греческаго языка. Ему, повидимому, неизвѣстенъ порядокъ замѣщенія каѳедръ въ Академіи. Если бы онъ въ должной мѣрѣ былъ освѣдомленъ, что послѣднее производится не путемъ назначенія, а путемъ избранія открытымъ голосованіемъ лицъ, намѣчаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи, то, можетъ быть, и не пожелалъ бы подвергать себя баллотировкѣ. Далѣе, по силѣ распоряженія владыки—митрополита отъ 2 сентября сего года за № 375, всѣ профессора и преподаватели Академіи обязаны жить въ Посадѣ, и Совѣтъ Академіи не можетъ не сообразоваться съ этимъ распоряженіемъ, приглашая новыхъ лицъ для занятія вакантныхъ каѳедръ. Между тѣмъ проф. Соболевскій въ своемъ прошеніи выражаетъ желаніе, чтобы всѣ четыре его лекціи были назначены на четвергъ съ 10 часовъ до 2-хъ. Изъ этого ясно не видно, согласенъ ли проф. Соболевскій переѣхать на жительство въ Посадѣ; напротивъ, отсюда скорѣе можно заключить о его намѣреніи продолжать оставаться въ Москвѣ, а въ Академію пріѣзжать лишь на время. Въ виду изложеннаго я не нахожу возможнымъ принять участіе въ голосованіи проф. Соболевскаго и считаю необходимымъ предварительно *оффициально* запросить его (какъ это было сдѣлано 5 сентября Преосв. Ректоромъ, по порученію Совѣта, въ отношеніи къ проф. Савину), со-*

гласенъ ли онъ подвергаться баллотировкѣ на ряду съ другими кандидатами на кафедру греческаго языка и жить постоянно въ Посадѣ. Да, наконецъ, и надобности въ приглашеніи сторонняго преподавателя, уже не молодого, въ настоящемъ случаѣ не усматривается. Изъ стипендіатовъ, оставляемыхъ именно для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ профессорскихъ кафедръ, одинъ съ удобствомъ на годъ или на два теперь же можетъ быть отправленъ въ Университетъ для прослушанія ряда филологическихъ дисциплинъ. Академія будетъ имѣть въ его лицѣ молодого, богословски и филологически подготовленнаго преподавателя. Временное же преподаваніе греческаго языка можетъ быть поручено ординарному профессору М. Д. Муретову, уже несшему эти обязанности, по порученію Совѣта, въ 1900—1901 и 1901—1902 учебныхъ годахъ и извѣстному своими спеціальными познаніями въ новозавѣтномъ, святоотеческомъ и вообще греческомъ языкѣ.

Къ этой мотивировкѣ присоединились и остальные члены Совѣта, воздержавшіеся отъ подачи голоса“.

По возобновленіи преній профессоръ *Заозерскій* высказалъ слѣдующее: такъ какъ оба докладчика, г.г. Глагслеви и Введенскій, стараются ослабить научное достоинство диссертациі проф. Громогласова ссылкой на отзывы о ней Высокопреосвященнаго Антонія, Архіепископа Волынскаго, и профессора Гидулянова, то я прошу Совѣтъ Академіи заслушать и внести въ журналъ засѣданія отзывъ о той же диссертациі *Преосвященнаго Никодима (Милаша)*, Епископа Далматинскаго.

Представленные тутъ же проф. Громогласовымъ Преосвященному Ректору отдѣльные оттиски отзыва Преосвященнаго Епископа Никодима были розданы членамъ Совѣта; самый отзывъ, по желанію проф. Заозерскаго, былъ прочитанъ въ собраніи и прилагается къ настоящему журналу (въ печатномъ видѣ) ¹⁾.

Преосвященный Ректоръ Академіи заявилъ, съ своей стороны, что приложить къ журналу отзывы о магистерской

¹⁾ См. приложение № 1.

диссертациі проф. Громогласова *Высокопреосвященнаго Антонія*, Архієпископа Волынскаго и Житомирскаго ¹⁾, и профессора *Гидулянова* ²⁾ (прилагаются также въ печатномъ видѣ) и затѣмъ потребовалъ оглашенія въ собраніи публицистической статьи профессора Громогласова подъ заглавіемъ: „Наше общественно-политическое обновленіе и современныя задачи церкви. I. Освободительное движеніе и официальная церковь“, помѣщенной имъ въ № 5-мъ „Московскаго Еженедѣльника“ за 1906-й годъ, указавъ, что въ этой статьѣ проф. Громогласовъ относится съ рѣзкимъ осужденіемъ къ такъ называемой имъ „официальной церкви“, при чемъ изъ статьи ясно видно, что подъ нею онъ разумѣетъ какъ всю вообще правящую іерархію, въ прошломъ и настоящемъ, такъ и Святейшій Правительствующій Синодъ.—Между тѣмъ, согласно § 3 Устава, академіи находятся „въ вѣдѣніи Св. Синода“, а § 86, возлагая на преподавателей академіи обязанность готовить студентовъ къ служенію Церкви, выражаетъ это требованіе въ формѣ весьма опредѣленной и рѣшительной: „Преподаватели ведутъ свое преподаваніе въ строго православномъ духѣ, направляя свою дѣятельность къ утвержденію въ умахъ студентовъ благоговѣнія предъ непреложной истиной Православія и готовности послужить св. Церкви. Никакія уклоненія отъ сего правила не могутъ быть терпимы“.

Статья была прочитана, а №-ръ газеты прилагается къ журналу настоящаго собранія. ³⁾

Отвѣчая на возраженія противъ своей кандидатуры на кафедрѣ церковнаго права, высказанныя письменно и устно Преосвященнымъ Ректоромъ и профессорами Введенскимъ и Глаголевымъ, профессоръ *Громогласовъ* заявилъ, что онъ считаетъ излишнимъ полемизировать съ тѣми изъ этихъ возраженій, которыя имѣютъ чисто личный характеръ. Онъ считаетъ достаточнымъ, лишь кратко напомнивъ Совѣту о содержаніи своего письменнаго заявленія, заслушаннаго въ предыдущемъ засѣданіи, сдѣлать нѣсколько разъяснитель-

1) См. приложение № 2.

2) См. приложение № 3.

3) См. приложение № 4.

ныхъ замѣчаній къ этому заявленію, вызываемыхъ возникшими преніями.—Противники его кандидатуры придаютъ большое значеніе продолжительному пребыванію его на другой каѳедрѣ—исторіи и обличенія русскаго раскола и потратили не мало усилій на опроверженіе высказанной профессоромъ Заозерскимъ мысли о близкой связи занятій по этой каѳедрѣ съ работами въ области каноники. Возражателямъ кажется, что между тою и другою спеціальностью нѣтъ ничего общаго. Но, помимо всего прочаго, кому же изъ знакомыхъ хоть сколько нибудь съ наукой о русскомъ расколѣ не извѣстно, что важнѣйшимъ и существеннѣйшимъ вопросомъ въ области противораскольнической полемики является вопросъ о законности или незаконности Бѣлокриницкой іерархіи и что рѣшеніе его возможно только на почвѣ широкаго и основательнаго изученія источниковъ каноническаго права. Трактатомъ по этому именно вопросу дебютировалъ профессоръ Громогласовъ на академической каѳедрѣ и ему же посвятилъ двѣ печатныя работы, которыя позволяютъ себѣ считать значительными въ научномъ и полемическомъ отношеніи.—Относительно своихъ занятій въ области собственно церковнаго права, при каѳедрѣ коего онъ и былъ въ свое время оставленъ стипендіатомъ, профессоръ Громогласовъ счелъ необходимымъ напомнить, что, кромѣ изданія на страницахъ академическаго журнала и отдѣльно „Курса церковнаго права“ профессора А. С. Павлова, имъ напечатано не мало статей по церковно-правовымъ вопросамъ, и въ томъ числѣ такихъ, которыя были сочувственно отмѣчены въ спеціальной литературѣ не только русскою, но и иностранною, вообще не щедрой на похвалы русскимъ ученымъ. Таковъ, напр., трактатъ „О вторыхъ и третьихъ бракахъ въ православной церкви“. Къ области церковнаго права относится и его диссертація: „Опредѣленія брака въ Хормчей“, научное значеніе которой пытаются поколебать здѣсь ссылкой на два неблагопріятныхъ внѣ-совѣтскихъ отзыва. Но Совѣтъ Академіи уже высказалъ однажды свой судъ о ней, согласившись съ отзывами двухъ официальныхъ рецензентовъ, и можно только удивляться, что теперь въ засѣданіи того же Совѣта раздается призывъ къ переоцѣнкѣ названной работы на основаніи частной рецензіи сторонняго лица и еще другого, тоже сторонняго отзыва.—

Въ заключеніе профессоръ Громогласовъ заявилъ рѣшительный протестъ противъ попытки бросить на него тѣнь церковно-политической неблагонамѣренности указаніемъ на его статью въ № 5-мъ „Московского Еженедѣльника“ за 1906-й годъ и вообще на его церковно-публицистическую дѣятельность. Какъ бы ни смотрѣли на нее противники его кандидатуры, въ его собственномъ сознаніи эта дѣятельность была выраженіемъ желанія служить Божьему дѣлу, и онъ ни за кѣмъ изъ присутствующихъ не признаетъ права бросить ему упрекъ въ недостатокѣ искренней готовности работать для блага церкви въ мѣру своего пониманія и своихъ силъ.

Въ отвѣтъ на это заявленіе проф. Громогласова *Преосвященный Ректоръ* съ своей стороны заявилъ, что онъ, по силѣ возложенныхъ на него Уставомъ Академіи полномочій и обязанностей (§ 37, 38, 39) и руководясь яснымъ смысломъ того, что изложено въ § 2, 30, 65 и 86 Устава, вполне признаетъ за собой право и долгъ указывать на несоотвѣтствіе церковныхъ и политическихъ взглядовъ извѣстнаго профессора съ тѣми, кои онъ долженъ по смыслу Устава Академіи проводить въ сознаніе ея питомцевъ. При этомъ Преосвященный заявилъ, что ему даже страннымъ кажется слышать здѣсь же въ Совѣтѣ и отъ самого же проф. Громогласова такое самовосхваленіе, тогда какъ о научныхъ достоинствахъ его, какъ кандидата на кафедру Церковнаго Права, должны болѣе судить другіе—члены Совѣта; что онъ (Преосвященный) не можетъ конечно, послѣ слышаннаго, отрицать у проф. Громогласова ни любви къ наукѣ Церковнаго Права, ни его желанія работать въ этой области, но только не видитъ вещественныхъ доказательствъ со стороны проф. Громогласова его неизмѣнной любви къ этой наукѣ, такъ какъ все-же у него нѣтъ ученыхъ трудовъ изъ этой области, тогда какъ другой кандидатъ на эту кафедру (г. Кузнецовъ) лучше самъ за себя говорить массой изданныхъ имъ печатныхъ трудовъ, часть коихъ каждый изъ членовъ Совѣта можетъ видѣть здѣсь же на столѣ.—Ссылка проф. Громогласова въ оправданіе своихъ церковно-политическихъ взглядовъ на то, что онъ хотѣлъ и хочетъ служить „Божьему дѣлу“ тоже, по словамъ Преосвященнаго Ректора, ничего

не доказываетъ и не ручается за его (проф. Громогласова) правосмыслие, такъ какъ и самое понятіе о „Божьемъ дѣлѣ“ и даже о Богѣ можетъ быть и нерѣдко бываетъ весьма различно и каждый поэтому съ своей точки зрѣнія можетъ думать, что онъ правъ, почему и проф. Громогласовъ всегда можетъ оставаться при своемъ убѣжденіи, что онъ, печатая вышеприведенную статью, служилъ „Божьему дѣлу“, какъ онъ всегда будетъ конечно высоко цѣнить и научное достоинство своей магистерской диссертации, не смотря на нелестный отзывъ о ней оффиціального (отъ Святѣйшаго Синода) рецензента. Посему и окончательное сужденіе о правильности церковно-политическихъ убѣжденій лучше проф. Громогласову предоставить компетенціи Святѣйшаго Синода.

При продолженіи преній, экстраординарный профессоръ Михайлъ *Богословскій* выразилъ пожеланіе, чтобы, послѣ всесторонняго освѣщенія личности одного кандидата на кафедре—профессора Громогласова, освѣщена была со стороны научной и педагогической подготовленности къ занятію кафедры и личность другого кандидата—г. Кузнецова, въ особенности специалистомъ по наукѣ церковнаго права.

Въ отвѣтъ на это сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ церковнаго права Николай *Заозерскій* заявилъ слѣдующее:

„Свое отрицательное отношеніе къ кандидатурѣ г. Кузнецова на кафедре Церковнаго права я мотивирую слѣдующими соображеніями:

1) Въ предложенномъ вниманію Совѣта Академіи списокѣ сочиненій г. Кузнецова я вижу рядъ очень хорошихъ публицистическихъ статей по вопросамъ современной церковной жизни, но не нахожу ни одной ученой монографіи. Лучшее изъ сочиненій г. Кузнецова, печатавшееся въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ и изданное отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: Законъ о старообрядческихъ общинахъ въ связи съ отношеніемъ Церкви и Государства, не могло бы быть удостоено ученой степени магистра Богословія, если бы было представлено въ Духовную Академію для соисканія этой ученой степени.

2) Въ своихъ публицистическихъ работахъ, г. Кузнецовъ

выступает знатокомъ и теоретически и практически дѣйствующаго государственнаго и гражданскаго права по вопросамъ и дѣламъ, касающимся Церкви русской, но нигдѣ не выявляетъ основательнаго, научнаго знакомства съ первоисточниками каноническаго права.

3) Онъ не представляетъ данныхъ во свидѣтельство своей педагогической опытности“.

Въ отвѣтъ на неоднократно повторенное проф. Заозерскимъ мнѣніе, будто приватъ-доцентъ Кузнецовъ не проявилъ въ достаточной мѣрѣ научнаго знакомства съ первоисточниками каноническаго права, каковую сторону дѣла хотѣлъ разъяснить и проф. Богословскій, поставившій въ этомъ смыслѣ опредѣленный вопросъ, — ординарный профессоръ Алексѣй *Введенскій* замѣтилъ, что это мнѣніе приводитъ его въ недоумѣніе. Достаточно, — сказалъ онъ, — просмотрѣть подстрочники въ книгахъ г. Кузнецова, чтобы убѣдиться въ противномъ: здѣсь обильно цитируются первоисточники не только каноническаго права, но и государственнаго, и гражданскаго. Правда, у него нѣтъ специальнаго изслѣдованія по этому вопросу. Но, вѣдь, можно, и не написавъ такого изслѣдованія, хорошо знать первоисточники и умѣло ими пользоваться, въ чемъ приватъ-доценту Кузнецову, кажется, отказать нельзя.

Затѣмъ ординарный профессоръ Александръ *Голубцовъ* сдѣлалъ сначала устно, а потомъ изложилъ, для внесенія въ журналъ, въ письменномъ видѣ слѣдующее заявленіе:

„При замѣщеніи вакантныхъ кафедръ доселѣ у насъ принято было оставлять первыхъ, лучшихъ по успѣхамъ въ наукахъ и способностямъ студентовъ. Такъ мы поступили и недѣлю тому назадъ въ засѣданіи Совѣта 6-го Октября. Съ допущеніемъ кандидатуры присяжнаго повѣреннаго Кузнецова придется уже нарушить эту давнюю академическую традицію. Г. Кузнецовъ окончилъ курсъ 51 изъ 66, даже не магистрантомъ, а простымъ кандидатомъ. Въ случаѣ избранія, по естественному порядку вещей, онъ долженъ будетъ для полученія степени магистра богословія подвергнуться дополнительнымъ испытаніямъ. По словамъ Н. А. Заозерскаго, сказаннымъ въ засѣданіи Совѣта 6-го Окт., г. Кузнецовъ „не знакомъ съ первоисточниками науки

Каноническаго права, съ церковными канонами.“ Петербургская дух. Академія, ближе насъ знающая г. Кузнецова, какъ своего питомца, дважды имѣвшая случай пригласить къ себѣ г. Кузнецова, не нашла однако же возможнымъ замѣстить имъ у себя каѳедру каноническаго права. Ярославскій Демидовскій Лицей, коего г. Кузнецовъ былъ нѣкоторое время приватъ-доцентомъ, также не счелъ возможнымъ признать его своимъ профессоромъ. На студенческой скамьѣ, въ кандидатской работѣ, Кузнецовъ занимался юродствомъ и столпничествомъ. Большая часть послѣдующихъ статей его посвящена вопросамъ текущей церковной жизни. Въ виду всего этого не могу подать своего голоса въ пользу г. Кузнецова“.

Къ заявленію этому присоединили свои подписи экстраординарные профессора—Павель *Сokolovъ*, Иванъ *Пonovъ* и Сергій *Смирновъ*.

Прочитавъ свое заявленіе, профессоръ Голубцовъ высказалъ желаніе, чтобы наведенная имъ въ *Журналахъ* заведеній Совѣта С.-Петербургской дух. Академіи за 1901—2 учебный годъ справка объ окончаніи въ ней курса г. Кузнецовымъ была официально провѣрена и, за отсутствіемъ въ настоящемъ дѣлѣ *curriculum vitae* послѣдняго, были представлены болѣе полныя и документальныя свѣдѣнія лицами, рекомендующими г. Кузнецова на каѳедру 1).

1) *Примѣчаніе.* Во время составленія настоящаго журнала желаніе профессора Голубцова было исполнено.—По полученнымъ изъ С.-Петербургской Духовной Академіи *официальнымъ* даннымъ: 1) окончившій курсъ Физико-математическаго факультета въ Московскомъ Университетѣ кандидатъ Николай Дмитріевичъ *Кузнецовъ*, согласно его прошенію, по указу Святейшаго Синода отъ 7 ноября 1887 года за № 3747, былъ допущенъ къ слушанію лекцій въ С.-Петербургской Духовной Академіи съ предоставленіемъ ему права держать впоследствии экзаменъ и представить сочиненіе на соисканіе академической богословской степени; 2) въ теченіи 1887—1888, 1888—1889, 1889—1890 и 1890—1891 уч. гг. г. Кузнецовъ сдалъ экзамены по всемъ предметамъ академическаго курса, кромѣ экзамена по одному изъ новыхъ языковъ, и опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 23 октября 1892 года удостоенъ званія дѣйствительнаго студента Академіи, съ правомъ соисканія степеней кандидата и магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія, по исполненіи имъ требованій § § 136 и 137 академическаго устава касательно сочиненія; 3) по пред-

Пресвященный Ректоръ Академіи, съ своей стороны, заявилъ, что подысканная проф. Голубцовымъ справка объ окончаніи г. Кузнецовымъ курса въ С.-Петербургской Духовной Академіи (если только справка эта относится къ тому лицу, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ собраніи, въ чемъ оказался не твердо увѣреннымъ и самъ Голубцовъ) нисколько не смущаетъ его, ибо кандидатуру г. Кузнецова на кафедре церковнаго права онъ выставляетъ на основаніи:

- а) окончанія г. Кузнецовымъ (помимо академическаго и университетскаго по физико-математическому факультету) курса, со степенью кандидата юридическихъ наукъ, въ Ярославскомъ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, гдѣ церковное право входитъ въ разрядъ общеобязательныхъ предметовъ;*
- б) его многочисленныхъ и обширныхъ учено-литературныхъ трудовъ въ области церковнаго права и, наконецъ,*
- в) апробаціи научной и педагогической подготовленности г. Кузнецова со стороны такого безпристрастнаго и компетентнаго учрежденія, какъ Совѣтъ Ярославскаго Демидовскаго Юридическаго Лицея, который, по напечатаніи и публичномъ защищеніи г. Кузнецовымъ диссертациі *provenia legendi* подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о церковномъ имуществѣ и объ отношеніи государства къ церковнымъ недвижимымъ имѣніямъ въ Россіи“ и прочтеніи имъ двухъ пробныхъ лекцій на темы: „Участіе мірянъ въ дѣлахъ Церкви“ и „О патріархествѣ въ Россіи“,—предоставилъ ему право преподаванія въ званіи *призатъ-доцента* именно по кафедрѣ церковнаго права, какъ видно изъ прилагаемой къ журналу копии свидѣтельства, выданнаго г. Кузнецову Совѣтомъ Лицея за № 1920-мъ.*

Что же касается указываемаго проф. Голубцовымъ приглашенія г. Кузнецова на кафедру церковнаго права въ

ставленіи г. Кузнецовымъ курсоваго сочиненія на тему: „Христіанство какъ идеаль личной жизни человѣка на первыхъ двухъ ступеняхъ его развитія“ и выслушаніи въ собраніи 19 сентября 1901 года отзыва о немъ профессора—протоіерея С. А. Соллертинскаго, Совѣтъ Академіи постановилъ: „Удостоить дѣйствительнаго студента Николая Кузнецова степени кандидата богословія, съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія“.—Это журнальное опредѣленіе было утверждено Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ, 22-го сентября того же 1901 года.

С.-Петербургскую Духовную Академію и Демидовскій Юридическій Лицей, то по имѣющимся у него, Преосвященнаго Ректора, неофициальнымъ свѣдѣніямъ, таковыя предложенія со стороны того и другого учрежденія были дѣлаемы г. Кузнецову, но отклонены имъ по личнымъ обстоятельствамъ ¹⁾).

По окончаніи преній, Совѣтъ Академіи, по предложенію Преосвященнаго Ректора, приступилъ къ открытому голосованію по вопросу о замѣщеніи каѳедры церковнаго права, въ каковомъ голосованіи приняли участіе Предсѣдатель и 14 членовъ Совѣта; экстраординарный же профессоръ Илья Громогласовъ, принимавшій во второмъ собраніи участіе въ преніяхъ и защитѣ своей кандидатуры, отъ подачи голоса воздержался.

За избраніе на каѳедру церковнаго права приватъ-доцента *Николая Кузнецова* подали голосъ: экстраординарные профессора—*Анатолій Орловъ*, *Дмитрій Введенскій* и *Сергѣй Соболевскій*, ординарные профессора—*Анатолій Спасскій*, *Сергѣй Глаголевъ* и *Алексѣй Введенскій*, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора *Александръ Шостынь* и *Преосвященный Ректоръ* Академіи; всего—8 лицъ.—*Противъ избранія*: экстраординарные профессора—*Михаиль Богословскій*, *Сергѣй Смирновъ*, *Иванъ Поповъ* и *Павель Соколовъ*, ординарный профессоръ *Александръ Голубцовъ*, сверхштатные заслуженные ординарные профессора *Николай Заозерскій* и *Александръ Бѣляевъ*; всего—7 лицъ.

За избраніе на ту же каѳедру экстраординарнаго профессора *Ильи Громогласова* подали голосъ: экстраординарные профессора—*Анатолій Орловъ*, *Михаиль Богословскій*, *Сергѣй Смирновъ*, *Иванъ Поповъ* и *Павель Соколовъ*, ординарный профессоръ *Александръ Голубцовъ*, сверхштатные заслуженные ординарные профессора *Николай Заозерскій* и *Александръ Бѣляевъ*; всего—8 лицъ.—*Противъ избранія*: экстраординарные профессора—*Дмитрій Введенскій* и *Сергѣй Соболевскій*, ординарные профессора—*Анатолій Спасскій*, *Сергѣй Глаголевъ* и *Алексѣй Введенскій*, Инспекторъ Академіи—и. д. орди-

¹⁾ *Примѣчаніе.* Одинъ изъ таковыхъ отказовъ г. Кузнецова засвидѣтельствованъ и официально—на стр. 87-ой „Журналовъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи за 1909—1910 учебный годъ“.

нарнаго профессора Александръ Шостынь и Преосвященный Ректоръ Академіи; всего—7 лицъ.

Справка: Свод. Закон. Росс. Имп. т. II, изд. 1892 г., Общ. Учрежд. Губ., ст. 116: „Дѣло въ случаѣ разногласія рѣшается большинствомъ голосовъ; когда же число оныхъ раздѣлится поровну, то голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ“.

По поводу выведенной на справку статьи 116 т. II Свода Законовъ, Общ. Учр. Губ., профессорами *Богословскимъ, Голубцовымъ, Заозерскимъ, Поповымъ, Смирновымъ, Соколовымъ* и *Спаскимъ* было высказано мнѣніе, что эта статья даетъ перевѣсъ голосу предсѣдателя только при равенствѣ положительныхъ и отрицательныхъ голосовъ, поданныхъ за одного и того же кандидата или за двухъ кандидатовъ при одной и той же совмѣстной баллотировкѣ. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ происходили двѣ отдѣльныхъ баллотировки и подвергавшіеся имъ два кандидата получили не равенство голосовъ, а одинаковое большинство ихъ. Поэтому оба они, по точному смыслу закона, могли бы считаться избранными Совѣтомъ, и лучшимъ выходомъ изъ этого затрудненія было бы предоставить окончательный выборъ одного изъ нихъ высшей власти.

На это профессоръ Алексѣй *Введенскій* замѣтилъ, что, такъ какъ 1) въ ст. 116 не содержится определенныхъ указаній на примѣнимость ея лишь въ случаяхъ подачи въ собраніи голосовъ за одного кандидата или, хотя бы и за двоихъ, но при одной и той же совмѣстной баллотировкѣ; и такъ какъ 2) ни въ какой другой статьѣ существующихъ на сей предметъ узаконеній, насколько ему извѣстно, не содержится ограниченій ст. 116 въ указанномъ выше смыслѣ: то, согласно точному смыслу закона и установившейся практикѣ, необходимо и въ данномъ случаѣ признать за предсѣдательскимъ голосомъ право перевѣса. Конечно, трудно подняться на ту точку зрѣнія, съ которой бы ясно было, что величины: 8 и 8 + (съ плюсомъ) равны между собою, какъ думаютъ защитники оспариваемаго мнѣнія. Но разъ большинство, на этомъ основаніи, считаетъ необходимымъ представить рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе Высшей Власти, то меньшинство, съ своей стороны, ничего противъ этого

имѣть не можетъ. Однако, въ особомъ мнѣніи, оно должно объяснить, что все-же считаетъ *юридически-правильно состоявшимся избраніе на кафедру церковнаго права приватъ-доцента Кузнецова.*

Пресвященный Ректоръ заявилъ, что прямой смыслъ приведенной на справку ст. 116-ой изъ II т. Свод. Закон. обязываетъ признать избраннымъ на кафедру церковнаго права г. Кузнецова, какъ получившаго вслѣдствіе голоса Предсѣдателя большинство голосовъ, а посему онъ внесетъ свою особую формулу опредѣленія.

Къ этому заявленію присоединились еще пять членовъ Совѣта: Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора Александръ *Шостынкъ*, ординарные профессора — Алексѣй *Введенскій* и Сергѣй *Глаголевъ*, экстраординарные профессора—Сергѣй *Соболевскій* и Дмитрій *Введенскій*.

Справка: 1) Резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 24-го сентября 1910 года за № 4294, послѣдовавшей на журналѣ собранія Совѣта Академіи 15 сентября,—вакантную въ Академіи кафедру *церковнаго права* разрѣшено было замѣстить посредствомъ *рекомендаци*.—2) Устава духовныхъ академій § 119: „По дѣламъ объ избраніи кандидатовъ въ преподаватели въ журналѣ Совѣта вносится подробное изложеніе высказанныхъ мнѣній, съ приложеніемъ письменныхъ отзывовъ членовъ Совѣта о кандидатахъ, и журналъ этотъ въ цѣломъ видѣ представляется на разсмотрѣніе высшаго начальства“.—3) Того же устава § 12: „Св. Синодъ утверждаетъ въ должностяхъ профессоровъ и доцентовъ Академіи, а также и увольняетъ ихъ отъ службы; въ потребныхъ случаяхъ Св. Синодъ самъ назначаетъ и увольняетъ профессоровъ и доцентовъ“.

Опредѣлили: Въ виду арифметическаго равенства голосовъ, полученныхъ обоими кандидатами на кафедру при двухъ баллотировкахъ, предоставить рѣшеніе вопроса о замѣщеніи кафедры церковнаго права въ Академіи высшей власти.

При подписаніи сего журнала *Пресвященнымъ Ректоромъ* Академіи сдѣлана была слѣдующая оговорка: „Въ виду яснаго указанія приведенной въ справкѣ статьи закона, редакцію вышеизложеннаго опредѣленія, на которой настаиваетъ“

вало большинство членовъ Совѣта, считаю неправильной. По моему мнѣнію, избраннымъ на кафедрѣ церковнаго права долженъ считаться только приватъ-доцентъ Николай Кузнецовъ и опредѣленіе Совѣта слѣдовало редактировать въ смыслѣ ходатайства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи г. Кузнецова исправляющимъ должность доцента Академіи по означенной кафедрѣ“.

Къ изложенному мнѣнію Преосвященнаго Ректора присоединились члены Совѣта: Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора Александръ *Шостынкъ*, ординарные профессора Алексѣй *Введенскій* и Сергѣй *Глаголевъ*, экстраординарные профессора Сергѣй *Соболевскій* и Дмитрій *Введенскій*.

*Къ журналу собраній Совѣта
6 и 13 октября 1910 года, № 23,—*

Приложеніе № 1.

Отзывъ Dr. Никодима Милаша, епископа Далматинскаго. ¹⁾

и. ГРОМОГЛАСОВЪ. Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія. Выпускъ I. Сергіевъ Посадъ 1908 ²⁾.

На первой страницѣ этой книги приведено изреченіе Августина иппонскаго, что вопросъ о бракѣ—*obscurissimus et implicatissimus*.

1) Переводъ настоятеля Сербскаго подворья въ Москвѣ архимандрита *Михаила*.— „Богословскій Вѣстникъ“, 1909 г. № 10, стр. 355—359.

2) Настоящая библиографическая замѣтка, появившаяся сперва на сербскомъ языкѣ (въ періодическомъ изданіи: „Архив за правне и друштвене науке, орган правнаго факултета универзитета Београдског“, кн. VII, свес. 3, стр. 265—267), принадлежитъ перу авторитетнѣйшаго православнаго канониста, питомца русской богословской школы и почетнаго члена Московской академіи, доктора церковнаго права, преосвященнаго *Никодима (Милашъ)*, епископа далматинскаго. Авторъ замѣтки пользуется заслуженною извѣстностью въ ученномъ мѣрѣ, благодаря своимъ многочисленнымъ и цѣннымъ научнымъ трудамъ въ области церковной исторіи и особенно—каноническаго права. Въ нихъ, кромѣ двухтомнаго изданія: „Правила православне цркве с тумаченима“, достаточно упомянуть „Православно црквено право“, представляющее единственную доселѣ попытку сравнительнаго изложенія права помѣстныхъ православныхъ церквей, и монографію: „Рукоположенье као сметња браку“, извѣстную читателямъ „Богословскаго Вѣстника“ (см. т. I этого журнала за 1907 г., стр. 371—385 и 429—459). Полагаемъ, что для нихъ уже по од-

Это сказано пятнадцать иѣковъ тому назадъ; но то же самое вполне можетъ быть повторено и нынѣ. До сихъ поръ въ наукѣ (говоримъ: въ наукѣ) еще не достаточно выяснено, что составляетъ сущность брака: есть ли онъ договоръ въ смыслѣ гражданского права, или же,—новозавѣтная тайна: и если, далѣе, какъ учить православная церковь, бракъ—тайна, то въ наукѣ еще не ясно, составляетъ ли „форму“ этой тайны священническая молитва послѣ заявленія новобрачныхъ о ихъ добровольномъ вступленіи въ бракъ, какъ учить православный катихизисъ, или же эту „форму“ составляетъ самое заявленіе новобрачныхъ, какъ сказано въ Кормчѣй. До какой степени неясенъ и далекъ отъ устойчиваго рѣшенія понинѣ вопросъ о бракѣ, доказываетъ—не говоря уже о спорахъ относительно обязательнаго гражданского брака—покушеніе устранить не только моногамію, но и самый бракъ возрожденіемъ стараго греческаго гетеризма и дозволеніемъ всякому, будетъ ли то мужчина или женщина, удовлетворять, какъ угодно, свои тѣлесныя потребности. Французскій социализмъ возвелъ это даже въ систему. Charles Fourier, авторитетнѣйшій его представитель, въ своемъ „Tableau du nouvel ordre domestique“, ссылаясь на долгое и широкое изученіе брака въ нынѣшнемъ цивилизованномъ обществѣ, говоритъ, что этотъ бракъ „ne présente pas une seule garantie, pas une seule chance de bonheur que les époux ne puissent trouver que dans le cas de une pleine liberté“; а эта pleine liberté состоитъ въ томъ, что мужчина можетъ соединяться съ любымъ числомъ женщинъ, равно какъ и женщина—съ любымъ числомъ мужчинъ.

При такомъ состояніи вопроса о бракѣ, продолжающемся много вѣковъ, при чемъ этотъ вопросъ доселѣ все такъ же obscurissimus et implicatissimus, какъ былъ во время Августина, нисколько не должно казаться страннымъ, что авторъ книги, о которой мы говоримъ, одному только опредѣленію брака посвятилъ цѣлыхъ 13 печатныхъ листовъ. Сообразно своей задачѣ: изложить исторію христіанскаго вступленія въ бракъ или, какъ выражается самъ авторъ, „христіанскаго бракозаключительнаго права“ и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть потребность въ основаніи дѣйствующаго православнаго

пому этому будетъ не безинтересно познакомиться съ отзывомъ высокоавторитетнаго сербскаго іерарха о работѣ русскаго ученаго, появившейся, къ тому же, сплона на страницахъ „Б. В.“ ранѣе выхода въ свѣтъ отдѣльной книгой.

Перев.

брачнаго права, онъ совершенно правильно находить нужнымъ предварительно выяснитъ тѣ основныя положенія, которыя, будучи приняты христіанствомъ, въ теченіи многихъ вѣковъ направляли совмѣстную дѣятельность правообразующихъ силъ государства и церкви. Это необходимо, говоритъ авторъ, какъ для критической оцѣнки существующаго православнаго права, такъ и въ интересахъ практики, чтобы можно было видѣть, насколько и въ будущемъ необходимо опираться на тѣ же начала; необходимо это для Россіи съ практической стороны именно въ настоящій переходной моментъ брачнаго законодательства, когда объявлена свобода религіозной совѣсти. А для этого первое и главное дѣло—установитъ понятіе о христіанскомъ бракѣ, какъ союзѣ, который создается священническимъ благословеніемъ, безъ коего сожителство мужчины и женщины, хотя бы и вполне закономѣрное по началамъ гражданскаго права, не можетъ быть таковымъ по сужденію церковному.

Въ нашей Кормчей есть два опредѣленія брака: одно въ 48 главѣ, взятое изъ римскаго права, и другое въ 50 главѣ, которая взята изъ Требника Петра Могалы. Имѣя въ виду источникъ этого второго опредѣленія, легко понять, почему авторъ не взялъ его предметомъ своей работы, а остановился на первомъ, заимствованномъ изъ римскаго права опредѣленіи, которое въ Кормчей выражено слѣдующими словами: „Бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе, и събытіе во всей жизни, божественныя же и чловѣческія правды общеніе“, или въ латинскомъ оригиналѣ: „Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio“. По поводу этого опредѣленія брака, которое вошло въ Кормчую, авторъ говоритъ: „Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ бракоопредѣлительной формулой, однаково приложимой какъ къ христіанскому, такъ и къ нехристіанскому браку, чѣмъ, казалось бы, совершенно устраняется мысль о соответствующей выраженному здѣсь пониманію сущности супружескаго союза специально христіанской формѣ его установленія. Осторожный изслѣдователь не можетъ, однако, не сознавать необходимости воздержаться отъ рѣшительныхъ суждевій въ этомъ смыслѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что христіанская рецепція готовой формулы не внесла въ нее новаго идейнаго содержанія, вызывающаго необходимость христіанизации бракозаключительнаго ритуала. Внимательное изученіе этой рецепціи является, слѣдовательно, необходимымъ условіемъ правильности конечнаго вывода относительно того, какимъ способомъ долженъ устанавливаться христіанскій бракъ, соответ-

ствующій опредѣленію его въ римскомъ правѣ“. Этимъ нашъ авторъ ясно указалъ задачу своей работы, и выполненію этой задачи посвящена вся работа, дѣлящаяся, сообразно тремъ главнымъ мыслямъ, на три главы, а именно: въ I главѣ анализируется первая часть опредѣленія— „*conjunctio maris et feminae*“ (союзъ мужчины и женщины), чѣмъ указывается на природу супружескаго отношенія и опредѣляется природное или физическое основаніе брака; во II главѣ анализируется вторая часть— „*consortium omnis vitae*“ (общеніе всей жизни) или, иначе, этический моментъ брака, который состоитъ въ полной и нераздѣльной общности всѣхъ жизненныхъ отношеній между мужемъ и женой; въ III и послѣдней главѣ анализируется третья часть опредѣленія брака: „*divini et humani juris communicatio*“ (соучастіе въ божескомъ и человѣческомъ правѣ), т. е. религиозно-юридическій моментъ брака, который состоитъ въ общеніи всего, что касается религіи и права.

Мы читали у Чижмана (*Das Eherecht der orient. Kirche*) обширный анализъ (стр. 94--124) этого опредѣленія брака. Этотъ чижмановъ анализъ, хотя и хорошъ самъ по себѣ, все же не можетъ равняться съ анализомъ нашего автора, настолько всестороннимъ, настолько полнымъ и исчерпывающимъ, что мы не знаемъ, могъ ли бы ктонибудь еще что-либо добавить и чѣмъ-нибудь его дополнить. Здѣсь самымъ тщательнымъ образомъ взяты во вниманіе со всѣхъ сторонъ каждый моментъ указаннаго римскаго опредѣленія брака и самымъ добросовѣстнымъ образомъ изучено все необходимое, чтобы оправдать рецензію этого опредѣленія въ православное церковное право и показать его соответствіе всѣмъ условіямъ церковнаго брака, такъ что, насколько мы въ состояніи судить объ этомъ, авторъ свободно можетъ заявить, что онъ по данному вопросу сказалъ послѣднее слово въ наукѣ.

Мы не будемъ входить въ оцѣнку всего, что содержитъ эта книга, такъ какъ намъ не оставалось бы ничего другого, какъ выписывать изъ нея отдѣльныя мѣста, замѣчая каждый разъ одно и то же,— что сказано прекрасно и вопросъ исчерпанъ. Тѣмъ, кого интересуютъ брачное право, мы совѣтуемъ прочесть эту книгу такъ же внимательно, какъ мы ее прочли, и увѣряемъ ихъ, что они не пожалѣютъ о затраченномъ на это времени.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ нѣкоторыя мѣста въ этой книгѣ. Послѣ научнаго анализа того перваго момента въ опредѣленіи брака, что бракъ есть союзъ одного мужчины и одной женщины, которыхъ взаимная любовь привязываетъ другъ къ другу на

всю жизнь, авторъ съ полнымъ основаніемъ заканчиваетъ свой анализъ выдержкой изъ одного сочиненія антиохійскаго патріарха Теодора Вальсамона о сродствѣ, гдѣ сказано, что „супруговъ вслѣдствіе брака можно считать по душѣ какъ бы за одного человѣка (*ἕνα οὐχὸν δύοψυχον ἄνθρωπον*), только являющагося въ двухъ особяхъ“ (стр. 86). Очень важно и правильно все, сказанное въ этой книгѣ о нерасторжимости брака, какъ основномъ ученіи православной церкви, которое недостаточно полно было развито въ дохристіанскомъ римскомъ законодательствѣ, точно также и то, при какихъ условіяхъ допускается въ православной церкви расторженіе брака (стр. 104—148). Вполнѣ умѣстно замѣчаніе автора объ исаврійской Эклогѣ и о бракоразводномъ правѣ въ ней, которое было отиѣнено византійскимъ законодательствомъ послѣдующаго времени (стр. 147), хотя, быть можетъ, слѣдовало бы объяснить, почему та Эклога находится въ печатной (но не въ старо-сербской) Кормчѣ, и при томъ непосредственно послѣ Прохирона, изъ котораго взято рассматриваемое опредѣленіе брака.—Заслуживаетъ вниманія и мы вполнѣ принимаемъ разсужденіе автора въ третьей главѣ книги о томъ, что допущеніе смѣшанныхъ браковъ не противорѣчитъ божественному праву, какъ утверждаютъ нѣкоторые „строгіе пуристы“, и что такіе браки всегда допускала, какъ допускаетъ по нуждѣ и теперь, православная церковь (стр. 167—183).

Если ко всему вышесказанному мы прибавимъ, что авторъ превосходно знакомъ съ источниками римскаго права, равно какъ и со всеми источниками права церковнаго, и что онъ широко изучилъ литературу того и другаго права, чему доказательствомъ являются многочисленныя ученныя примѣчанія подъ текстомъ и списокъ пособій на стр. 197—210,—то все же скажемъ лишь немногое изъ того, что могло бы быть сказано объ этомъ замѣчательномъ трудѣ г. Громогласова.

Приложеніе № 2.

Диссертация профессора Громогласова о 48-й главѣ Кормчѣй.

Официальный отзывъ архіепископа Антонія 1).

Мнѣ поручено Святѣйшимъ Синодомъ представить отзывъ о сочиненіи и. д. доцента московской академіи г. Громогласова, удостоеніе коего магистерскою степенью со стороны совѣта означен-

1) „Миссіонерское Обзоръніе“, 1909 г. № 2, стр. 302—306.

ной академіи признано Святѣйшимъ Синодомъ, согласно рапорту Высочайше назначеннаго ревизора академіи, преосвященнѣйшаго архіепископа Дмитрія—везаконнымъ и несостоявшимся, по той причинѣ, что оппонентомъ и рецензентомъ сей диссертациі, вопреки уставу духовныхъ академій, явился профессоръ университета г. Андреевъ уже по оставленіи имъ академической службы. притомъ открыто заявившій о своей неосвѣдомленности въ изложенномъ у автора предметѣ. Прочитавъ отзывъ г. Андреева, я былъ удивленъ небрежнымъ отношеніемъ автора къ своему ученому долгу: весь отзывъ не заключаетъ и полуторыхъ малыхъ листиковъ почтовой бумаги и содержитъ въ себѣ значительно меньше словъ, чѣмъ предначинательный 103-й псаломъ. Половина этого лаконического отзыва состоитъ изъ повтореннаго (приблизительно) оглавленія диссертациі, а другая половина изъ восхваленія ея языка—точного, сжатого и яснаго, а также и того ея свойства, что „добрая половина содержанія книги отодвинута въ очень сложныя примѣчанія“. Дѣйствительно, скажемъ мы: добрая половина. Примѣчанія, выписанныя, главнымъ образомъ, изъ Навлова и Чижмана, занимаютъ собою 123 стр., а самое изложеніе 73; сюда же включается и сравнительно длинное, темное и довольно безтолковое введеніе. Краткость диссертациі иногда искупается творческимъ ея содержаніемъ, свѣжестью выводовъ, смѣлостью талантливыхъ открытій. Но ничего этого въ работѣ г. Громогласова читатель не найдетъ. Какъ ни коротко изложеніе ученой темы на 73 страницахъ, но оно является у автора размазаннымъ и мало связаннымъ по содержанію. Скудость содержанія своей работы авторъ старается прикрыть довольно обычнымъ въ такихъ случаяхъ приемомъ: онъ именуетъ свою работу первымъ выпускомъ болѣе обширнаго труда: „Опредѣленія брака въ Кормчей и ихъ значеніе при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго браказаключенія“. Въ первомъ выпускѣ мы имѣемъ введеніе ко всему обѣщанному труду автора и „Опредѣленіе брака въ 48 гл. Кормчей“. При подобномъ приѣмѣ магистранта невольно вспоминается русская пословица: „не сули журавля въ небѣ, а подай синицу въ руки“, а если вспомнимъ, что авторъ состоитъ на ученой службѣ ровно 15 лѣтъ, т. е. опоздалъ поданіемъ диссертациі болѣе, чѣмъ на 12 лѣтъ: то его попытка замѣнить недостатокъ затребованной работы обѣщаніями можетъ быть приравнена только къ подобной же отговоркѣ китайскихъ мандариновъ въ извѣстной пародіи А. Толстого, отговоркѣ, закончившейся для нихъ такъ печально. Вотъ почему другой отзывъ

о разбираемой диссертации профессора Заозерского, написанный повышеннымъ, даже ходульнымъ тономъ, вовсе не производитъ впечатлѣнія искренности въ расточаемыхъ автору похвалахъ, конечно, самаго общаго характера, но скорѣе напоминаетъ высокой запросъ опытнаго продавца на посредственный товаръ съ расчетомъ склонить такимъ образомъ доврчиваго покупателя къ тому, чтобы хоть какъ-нибудь сбыть ему залежавшееся въ лавкѣ добро, которое рецензентъ, согласно заглавію книги, опредѣляетъ, какъ „фрагментъ громадной работы, скоро имѣющей увидѣть свѣтъ“, такъ что у читателя невольно возникаетъ вопросъ: почему бы не отложить на этотъ скорый срокъ и самое увѣнчаніе магистранта ученою степенью? Мы, впрочемъ, съ своей стороны не находимъ препятствій къ тому, чтобы авторъ диссертации получилъ магистерскую степень и за представленный имъ трудъ, и вотъ почему.

Содержаніе диссертации представляетъ собою авализъ такъ называемой Модестиновой брачной формулы, принадлежавшей языческому писателю юристу III вѣка Модестину, повторенной въ Дигестахъ Юстиніана и затѣмъ дѣликомъ воспринятой въ 48-ю главу Кормчей книги въ такой формѣ: „бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и сбытіе (соучастіе) во всей жизни, божественныя же и человѣческія правды (собств. права) общеніе“. Вотъ это то краткое изреченіе авторъ изъясняетъ на протяженіи всей своей книжки, но не такъ, чтобы читатель дѣйствительно могъ найти въ этой формулѣ все то разнообразное содержаніе каноническаго ученія о бракѣ, которое развиваетъ авторъ; а такъ, какъ изъясняется въ церковной проповѣди краткое изреченіе евангелія: проповѣдникъ возгласитъ повторенную Христомъ заповѣдь: „чти отца твоего и мать твою“, и начнетъ перечислять всѣ наши обязанности въ отношеніи къ родителямъ и всѣ вѣды тѣхъ общественныхъ служеній, представителя которыхъ мы должны чтить: царя, священника, учителя, хозяина и пр. Подобнымъ же способомъ г. Громогласовъ приурочиваетъ къ формулѣ Кормчей почти все содержаніе, которое входитъ въ брачное право, какъ по понятіямъ римской юриспруденціи, такъ и по понятіямъ нашей каноники. Профессоръ Гидуляновъ за такой приемъ подвергаетъ нашего ученаго жестокому издѣвательству, но съ магистерской точки зрѣнія это отклоненіе автора нужво скорѣе признать достоинствомъ диссертации, особенно, если бы онъ озаглавилъ ее такъ: „важнѣйшіе элементы христіанскаго каноническаго понятія о бракѣ въ связи ихъ съ понятіемъ римскаго права, объединеннаго съ нашею каноникой въ формулѣ

Модестина“. Тогда бы заглавіе книги болѣе соответствовало ея содержанію, каковое въ его цѣлости невозможно извлечь изъ приведенной формулы Модестина даже при самомъ живомъ воображеніи. Вѣдь авторъ говоритъ намъ и о единобрачїи, и о второмъ и третьемъ бракѣ (безъ малаго 10 страницъ) и о разводѣ съ его поводами (44 стран.) и о бракахъ съ еретиками и язычниками, говоритъ онъ и о супружескомъ единомысліи, и объ относительномъ равноправіи супруговъ и объ аскетическомъ воздержаніи супруговъ отъ ложа, и объ епитимїяхъ за многобрачіе и объ имуществѣ супруговъ—совмѣстномъ и раздѣльномъ. Тщетно мы бы стали искать всей этой энциклопедїи брачныхъ канонѡвъ въ какомъ-либо современномъ или даже послѣдующемъ Модестину и Кормчей древнемъ толкованіи; искать и находить эту энциклопедїю въ приведенной формулѣ, не заключающей въ себѣ и 15 словъ, желаетъ во что бы то ни стало только самъ г. Громогласовъ; но все же его изложеніе важнѣйшихъ элементовъ нашего брачнаго права не лишено научной цѣнности. Онъ старается каждый изъ приведенныхъ принциповъ провести по исторїи церковнаго, а иногда и древне-римскаго законодательства, приводитъ нерѣдко и весьма цѣнныя святоотеческія изреченія по этимъ вопросамъ и пытается давать логическое обоснованіе различнымъ требованїямъ брачной каноники съ точки зрѣнїя основного ея принципа, изложеннаго въ 48 й гл. Кормчей и съ точки зрѣнїя христіанскаго ученїя о жизни человѣка вообще.

Не удалось только нашему автору ослабить церковное воспрещеніе браковъ съ еретиками: онъ признаетъ это воспрещеніе не безусловнымъ, а только желательнымъ потому, что 1) оно не приведено со всею ясностью въ священномъ писанїи (но вѣдь тамъ нѣтъ и яснаго поспрещенїя многоженства, ни даже упоминанїя о какомъ-либо брачномъ священнодѣствїи), 2) самая необходимость повторенїя увѣщанїй (на различныхъ соборахъ) противъ смѣшанныхъ браковъ показываетъ, что жизнь заставляла часто поступать вопреки этимъ увѣщанїямъ; но вѣдь не менѣе часто повторяются соборныя увѣщанїя противъ симонїи; неужели отсюда заключать и ея дозволенность? Вѣдь 72 правило VI собора ясно воспрещаетъ браки съ еретиками и повелѣваетъ ихъ расторгать, а не слушающихся подвергать анаемѣ, каковой подлежатъ христіане за одно совмѣстное моленїе съ еретиками; какъ же возможно преподавать имъ церковное таинство? Очевидно, здѣсь авторъ допустилъ уже сознательное извращенїе церковной истины ради либе-

рализма, стараясь прикрыться тѣмъ, что вселенскіе соборы именуютъ здѣсь „древними соборами“ (137 стр.). Но въ одноѣ примѣчаніи, на стр. 182, авторъ допустилъ уже значительный промахъ въ толкованіи древнихъ церковныхъ постановленій. „По нашему мнѣнію“, пишетъ авторъ: „нельзя сдѣлать никакого рѣшительнаго вывода и изъ того мѣста Эклоги, которое говоритъ о бракахъ только христіанъ, хотя Захаріе и усматриваетъ здѣсь косвенный намекъ на недозволительность даже смѣшанныхъ браковъ съ еретиками“ (а не съ язычниками только). Авторъ, очевидно, не знаетъ, что еретики никогда не назывались на церковномъ языкѣ христіанами, пока школьное наше богословіе не стало подѣ влияніе западно-европейскаго въ 17-мъ вѣкѣ. Мы бы посоветовали автору прочесть 31-е правило Лаодикійскаго собора, которое разрѣшаетъ христіанамъ брать невѣсты отъ еретиковъ, „аще общаются христіанами быти“ (ср. 95 прав. VI всел. собора).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ оказался несправнымъ въ отношеніи къ современной мысли, именно невнимательнымъ къ очень претензіозному толкователю евангельскихъ изреченій о бракѣ и о разводѣ графу Толстому. Г. Промогласовъ довольно подробно останавливается на различномъ пониманіи словъ Христовыхъ: „развѣ словесе прелюбодѣйна“, но не удѣляетъ вниманія толстовскому толкованію, коимъ современный философъ старается вовсе устранить дозволенность развода: именно, Толстой старается навязать Евангелію такой смыслъ: кто разведется, тотъ, кромѣ словесе прелюбодѣйна, т. е. кромѣ того, что уже этимъ самымъ совершилъ прелюбодѣяніе, еще женится на другой и т. д.

Еще одинъ замѣтный промахъ допускаетъ авторъ въ отношеніи установленій современной церковной жизни: онъ упоминаетъ объ обычаѣ воздержанія древнихъ христіанъ отъ брачнаго ложа въ продолженіе одного, двухъ или трехъ дней послѣ бракосочетанія (стр. 53) и ссылается на А. П. Лебедева, который говоритъ, что „исторія христіанства представляетъ и изъ послѣдующаго времени не мало примѣровъ добровольнаго соглашенія супруговъ на воздержаніе, какъ съ перваго дня брака“ и т. д. (стр. 54). Автору очевидно не извѣстно, что по смыслу нашего Трестника новобрачные должны 7 дней воздерживаться отъ ложа и только на 8 день имъ читается молитва на разрѣшеніе вѣнцовъ, которыхъ на православномъ югѣ они и не снимаютъ съ головы въ продолженіе цѣлой седмицы; это семидневное воздержаніе съ особенною строгостью соблюдается у старообрядцевъ.

Въ заключеніе мы должны отчасти отгнѣнить, а отчасти и извинить замѣчаемую у автора невыдержанность изложенія: онъ самъ едва ли возьмется объяснить, почему иное онъ вноситъ въ текстъ, иное въ примѣчанія. Такъ, распространяясь о поводахъ къ расторженію брака, онъ говоритъ въ текстѣ о 22 новеллѣ Юстиніана, а то, чѣмъ она дорога ему и читателю, т. е. перечисленіе пяти поводовъ, спускаетъ въ примѣчаніе. На стр. 93 и 94 онъ приводитъ длинное разсужденіе св. Астерія Амасійскаго о святости брака, а не менѣе значительныя иногда классическія изреченія болѣе знаменитыхъ отцевъ—Василія Великаго и Іоанна Златоуста помѣщаетъ въ примѣчаніяхъ (стр. 118 и др.), хотя однажды поднимаетъ его слово и въ текстъ безъ особой нужды (стр. 52). Иногда онъ ни съ того, ни съ сего приводитъ отеческія изреченія по гречески или по латыни, напр. Златоуста, Григорія, Феодорита, Іеронима, Августина (стр. 123—124), но, приводя ихъ въ другихъ мѣстахъ по русскому тексту, для чего то указываетъ и мѣсто и страницу въ греко-латинскомъ изданіи Миная. Очевидно авторъ не освободился отъ наивнаго студенческаго взгляда на значеніе примѣчаній, не какъ на поясняющія текстъ добавки, а какъ на цѣль въ себѣ, какъ на необходимыя доказательства авторской начитанности, хотя бы и ненужныя для изъясненія самаго текста книги. Впрочемъ эта неразбериха между болѣе существеннымъ въ книгѣ и менѣе существеннымъ зависѣла въ значительной степени отъ насильственнаго пристегиванія ея содержанія къ Модестиновой формулѣ, и въ этомъ смыслѣ можетъ быть извинена автору, но во всякомъ случаѣ она вовсе не согласуется съ восхваленіями оппонентовъ кристальной чистоты, краткости и математической точности его изложенія.

Не отрицаемъ однако въ диссертациі г. Громогласова и нѣкоторыхъ нравственно—цѣнныхъ принциповъ, какъ, напр., разрѣшеніе вопроса о женскомъ равноправіи въ сторону добровольнаго послушанія жены мужу и уступчивости мужа женѣ по слову Апостола: „любвы не ищеть своихъ ся“. Не можемъ не отмѣтить и того, что авторъ, исключая трактата о смѣшанныхъ бракахъ, послѣдовательно отмѣчаетъ и выдерживаетъ церковную точку зрѣнія на бракъ: говоритъ о церковной мысли, какъ о самотожественной (стр. 117), а не какъ о случайныхъ историческихъ наслоеніяхъ, что свойственно протестантскимъ и протестантствующимъ изслѣдованіямъ. Всѣ эти добрыя стороны давали бы кажется право г. Громогласову на магистерскую степень, хотя и оставляютъ желать лучшаго отъ диссертациі академическаго преподавателя на 15-мъ году его службы.

Зная съ своей стороны, что главной помѣхой для успѣшной разработки имъ богословской науки является то обстоятельство, что онъ, проживая въ Москвѣ, завѣдуетъ Коммерческимъ Пансіономъ, мы полагаемъ бы справедливымъ потребовать отъ него именованъ Святѣйшаго Синода прекратить съ полученіемъ званія экстраординарнаго профессора такое совмѣстительство и избрать одно изъ двухъ: или давно желанную имъ и недавно полученную новую кафедру Церковнаго Права, или руководство подросткающаго поколѣнія въ усвоеніи познаній коммерческихъ.

Приложеніе № 3.

Рецензія профессора Императорскаго Московскаго Университета П. В. Гидулянова 1).

И. ГРОМОГЛАСОВЪ. *Опредѣленія брака въ кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго браказаключенія.* Вып. I. Введеніе. Определеніе брака въ 48 гл. кормчей (Градск. зак. гр. 4 гл. I) Серг. пос. 1908. Цѣна 2 рубля.

Когда въ 1907 году въ Богословскомъ Вѣстникѣ (т. I стр. 60 сл. 275 сл.) появилась статья И. М. Громогласова: „Каноническія опредѣленія брака и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго браказаключенія“, то она привела насъ въ немалое смущеніе и недоумѣніе (см. Юрид. библ. 1907 г. № 1 прил. 1 стр. 21).

Какъ сообщаетъ самъ г. Громогласовъ, цѣлью его работы было изучить „правовую исторію формы заключенія брака“ на православномъ востокѣ. Но что же онъ для этого дѣлаетъ? Кратко сказавъ о бракѣ у навахасовъ, о томъ, что въ Сидней несчастныхъ женщинъ сперва оглушаютъ ударами по головѣ и затѣмъ окровавленными тащатъ черезъ лѣсъ къ стоянкѣ, гдѣ происходитъ возмутительная сцена, наконецъ бѣгло упомянувъ о гетеризмѣ, групповыхъ бракахъ, поимкѣ и умычкѣ, какъ формахъ заключенія брака, авторъ переходитъ ех abrupto къ формулѣ Модестина, начинаетъ по-словно ее растолковывать, разъясняя то, что и безъ того понятно. Итакъ длинно, скучно, а главное совершенно бесполезно.

Откровенно говоря, мы почти забыли о ней, когда въ началѣ 1908—1909 академическаго года вышла въ свѣтъ ученая диссертация г. Громогласова--„Опредѣленія брака въ кормчей и ихъ значеніе при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго браказаклю-

1) „Византійскій Временникъ“, т. XV (1908), стрр. 153—166.

ченія“. Серг. посадъ. 1908. вып. 1. Читатель можетъ представить наше удивленіе, когда послѣ бѣлаго просмотра мы убѣдились, что диссертация эта представляетъ почти дословную перепечатку нашей старой знакомой статьи г. Громогласова. Не желая вредить диспутанту, мы рѣшились почтенный трудъ многоученаго автора обойти молчаніемъ. Но *habent sua fata libelli!* 23 октября состоялся въ Московской духовной академіи диспутъ г. Громогласова, отчетъ о которомъ появился почти во всѣхъ московскихъ газетахъ. По сообщенію „Голоса Москвы“, одинъ изъ официальныхъ оппонентовъ, признавая книгу г. Громогласова „цѣннымъ вкладомъ въ науку“, „выразилъ сожалѣніе, что онъ не имѣетъ права въ данномъ случаѣ примѣнить университетскій обычай, позволяющій, за неизмѣнимъ возраженій, раскланяться съ диспутантомъ“. Еще дальше пошелъ почтенный профессоръ канонистъ Н. А. Заверскій. „Онъ характеризовалъ работу И. М. Громогласова, какъ „слитокъ драгоцѣннаго металла“, изъ котораго плавильнымъ аппаратомъ диспутанта удалена вся лигатура. Этотъ слитокъ настолько изящно отшлифовали, что оппоненту пришлось вооружиться „весьма сильнымъ микроскопомъ“, чтобы по необходимости найти хотя малыя „царапинки“ на немъ, что и удалось ему, когда вопросъ изъ области юридической перенесенъ былъ имъ въ догматическую“.

Извѣстія московскихъ газетъ объ успѣхѣхъ книги г. Громогласова на диспутѣ, а также хвалебныя рецензіи г. Заверскаго въ „Голосѣ Москвы“ (1908 г. № 255 отъ 2 ноября) и другихъ въ вышъ современныхъ изданіяхъ въ глазахъ публики создали за трудомъ г. Громогласова славу положительно *erschuetzend* въ области русской церковно-канонической литературы.

Послѣ всего этого я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ еще разъ процудировать книгу г. Громогласова и дать ей научную оцѣнку специалиста.

Noblesse oblige...

Къ сожалѣнію долженъ констатировать, что наше первое впечатлѣніе о произведеніи г. Громогласова ни въ чемъ не измѣнилось.

Сама по себѣ диссертация г. Громогласова представляетъ весьма оригинальное явленіе въ нашей литературѣ. Доселѣ, какъ извѣстно, независяція обстоятельства мѣшали появленію въ свѣтъ того или другого литературнаго или ученаго труда. Иное явствуетъ изъ предисловія г. Громогласова (стр. 1). Оказывается, что появленіемъ работы г. Громогласова русская наука какъ разъ обязана „независящимъ обстоятельствамъ“.